

ГОРЮВАННЯ.

Чи довго ще буду я на світі спати,
Коли все прочнулось? Відно, мене мати
Въ недобру годину на світъ породила,
У новій колисці спати положила...
—»Спи, моє малёнке, спи, моя дитино!
Засни, моє любе, — и я одпочину!«
Такъ мати словáми стíха промовляла, —
И дитя заснуло .. та й досі не встало....

Ой округі новимъ дұхомъ
Усё закипіло:
Устає громада наша
На велике діло,
Ой устає, готуетця,
Сíлу набирає;
Рідна Мати синівъ кліче,
Гóлосно гукáє:
—»Гóді спати! підіймайтесь
За громадське діло:
Кліче правда васъ свята...
Становітця сміло.«
И устають рідні діти,
Якъ ті соколята —
—»Йдемо діло одбувати: —
Привітай насъ, Мати!«

А я ще и дoсi сплю, oчi закpивши,
 Та ажъ плачу часомъ, гoлову схиливши;
 Oй ставъ би на дiло, на чeснy робoту,
 Та вoлi не маю розiгнaть дpимoту.
 Щo мiнi робити?—мoлoдaя сiлa
 Мaрнe пропaдaє; дyшa зaнiмiлa;
 Загубивъ я вiру, загубивъ надiю, —
 Молився бъ я Бoгу — мoлитись не вмию!

Булo вpемя (не вepтaйся,
 Лихaя гoдинo!) —
 Тiхo, мoвчки, бiдувaлa
 Мaти Укpaїнa;
 И родивсь прорoкъ въ нaрoдi,
 И ставъ передъ нaми,
 Заговоривъ пpaвдiвими
 Слiзaми-слoвaми,
 И poскpивъ вiнъ нaрoднi
 Дaвнi дoмoвiни,
 И poзбудивъ ширoкi
 Cтeпi Укpaїни,
 И нaрoду вiщувавъ вiнъ
 Вiчню слaву, дoлю,
 И блaгaвъ нaсь стaнoвитьця
 За пpaвду, за вoлю —

И нaрoдъ на слoвo вeликe oзвaвся..
 Тiльки я, пiкчeмний, не встaвъ, не пiднiвся!

— — —
 Чoмъ не маю сiли, чoмъ не маю вoлi
 Глянути у вiчi бeзтaлaннiй дoлi?
 Чoгo дyшa нiмa якъ тaя мoгiлa?...
 Дaйте жъ мiнi, дaйте oрлoвнi кpилa!
 Poзмaхнiвъ би iмi, poзмaхнiвъ ширoкo.
 У нeбo блaкiтнe злiннiвъ би висoкo,

Прокинулись сили бѣ мої молодії, —
И заговорили бѣ струни віщовії,
И слово правдиве сказали бѣ громаді...
А теперъ — нужуся, — немає порадї!
Гине моя сила, серце замирає...
Голосно співавъ би — голосу немає!

Черніговець Миколійчикъ Білокопїтий.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА.

Писать біографію нашего поэта—еще рано; но собирать и печатать матеріалы для нея теперь—прямая обязанность. Шевченко прожил свою жизнь так своеобразно, что трудовъ въ подборкѣ этихъ матеріаловъ предстоить не мало: письменныхъ документовъ о его жизни, сколько мы знаемъ, почти не осталось, за исключеніемъ немногихъ писемъ и извѣстнаго «дневника», гдѣ мы находимъ свѣдѣнія только о позднѣйшей порѣ жизни поэта. Біографу его прійдется руководствоваться большею частію *преданіями*, собираніемъ которыхъ нужно заняться теперь же, пока еще живы люди, могущіе сообщить ихъ.

Жизнь Шевченка представляетъ собою пять рѣзкихъ эпохъ, безъ всякой послѣдовательной связи межъ собою, и для каждой изъ нихъ приходится собирать матеріалы у разныхъ лицъ: поэтому, собраніе ихъ едва ли можетъ быть сдѣлано однимъ лицомъ; дружное содѣйствіе дѣлу этому всѣхъ, кому дорога память поэта, необходимо, и только въ такомъ случаѣ можно надѣяться на удовлетворительный результатъ. — Мы обозначаемъ здѣсь эти эпохи, съ нѣкоторыми поясненіями, могущими послужить указаніемъ для собирающихъ свѣдѣнія о жизни Шевченка:

I. 1814—1828. Дѣтство Шевченка, т. е. жизнь поэта на родинѣ, въ его семейномъ кругу.

II. 1828 — 1838. Жизнь Шевченка при его помѣщикѣ, переезды съ нимъ по западной Россіи и пребываніе у маляра Ширяева. — Объ этой эпохѣ изъ жизни поэта мы менѣе всего имѣемъ свѣдѣній; между тѣмъ она едва ли не важнѣйшая изъ всѣхъ въ томъ отношеніи, что въ это время совершалось развитіе творческаго таланта нашего Кобзаря. Главнымъ

источникомъ для описанія этой эпохи послужать рассказы Ив. Макс. Сошенка, друга покойнаго поэта, которые мы надѣмся скорѣ сообщитъ. Но рассказовъ этихъ слишкомъ недостаточно, и нельзя не пожелать, чтобы тѣ лица, которые имѣютъ возможность уяснить это время изъ жизни Шевченка, особенно позаботились объ этомъ. Особенно драгоцѣнны были бы первыя его поэтическія произведенія, о которыхъ до сихъ поръ мы имѣемъ только темныя свѣдѣнія.

III. 1838—1847. Свободная жизнь Шевченка; пребываніе его въ Петербургѣ, созданіе *Катерины*, *Гайдамакъ* и *Наймички* и разѣзды по Малороссіи. Источниками для этой эпохи могутъ послужить рассказы петербургскихъ его знакомыхъ и письма его къ землякамъ. О собраніи и напечатаніи послѣднихъ особенно бы нужно позаботиться.

IV. 1847—1857. Жизнь Шевченка въ ссылкѣ; пребываніе его въ Оренбургѣ и Орской крѣпости, плаваніе по Аральскому морю и, наконецъ, жизнь въ Новопетровскомъ укрѣпленіи. Объ этомъ печальномъ въ жизни поэта времени многое могли бы сообщить его оренбургскіе знакомые. Жизнь въ Новопетровскомъ укрѣпленіи намъ извѣстна изъ его «дневника».

V. 1857—1861. Освобожденіе Шевченка; пребываніе его въ Нижнемъ Новгородѣ, пріѣздъ въ Петербургъ; поѣздка на родину въ 1859 г., возвращеніе въ Петербургъ; смерть.

Вотъ указанія, по которымъ слѣдуетъ подбирать матеріалы для полнаго описанія жизни Шевченка. Повторяемъ, что подборъ ихъ лежитъ на прямой нашей обязанности, и откладывать его въ долгій ящикъ никакъ не слѣдуетъ, чтобъ имѣть возможность воспользоваться рассказами людей, знавшихъ поэта, пока ихъ воспоминанія не утратили еще свѣжести недавнопрошедшихъ событій.

Для начала, мы представляемъ здѣсь очеркъ первой эпохи, для котораго мы пользовались запискою о дѣтствѣ поэта, сообщенною намъ Варв. Гр. Шевченкомъ, воспоминаніями Ив. Макс. Сошенка и, преимущественно, рассказами сестры поэта, Ирины Григорьевны.

Какъ настоящій очеркъ, такъ и послѣдующіе, которые мы имѣемъ намѣреніе представить здѣсь же, предлагаются преимущественно съ цѣлію—вызвать поправки и дополненія, съ помощью которыхъ можно бы было впоследствии приступить къ составленію возможно-полной и вполне-достоверной біографіи славнаго нашего поэта.

1. ДѢТСТВО ШЕВЧЕНКА (1814—1828).

..... Якъ побачу
 Малого хлопчика въ селі,—
 Мовъ одірвалося отъ гиллі.
 Одно-однісіньке, підъ тінюмъ,
 Сидить собі, въ старій радніні,—
 Міні здається, що се я,
 Що це жъ та молодість моя....

Т. Шевченко.

Дѣдъ Шевченка (со стороны отца), по ремеслу, былъ *швець*; отсюда произошла и фамилія его. Родители его были крѣпостные крестьяне помѣщика Энгельгардта; отецъ родомъ изъ с. Керелівки, а мать — изъ с. Моринцовъ (оба села Звенигородскаго уѣзда.)

Женившись, отецъ Т. Гр., по распоряженію помѣщика, переселялся на короткое время (года на полтора) изъ Керелівки въ Моринцы. Во время этого переселенія и родился нашъ поэтъ, въ 1814 г., 23 февраля. Такимъ образомъ, родиною Шевченка было с. Моринцы, а не Керелівка, какъ думали до сихъ поръ (*). Но подростъ и сталъ помнить себя онъ уже въ Керелівкѣ, почему и всѣ дѣтскія воспоминанія его связаны съ этимъ селомъ.

Первые годы дѣтства Т. Гр. прошли незамѣтно. Въ семьѣ его сохранилось преданіе, что Шевченко въ раннемъ своемъ дѣтствѣ любилъ очень ѣсть землю: бывало, не досмотрятъ за нимъ — животикъ у Тараса и вздуется, точно въ болѣзни какой; распросятъ и окажется, что онъ земли объѣлся.

О раннемъ своемъ дѣтствѣ поэтъ воспоминаетъ въ одномъ изъ *велико-русскихъ* рассказовъ, («Княгиня»), писанныхъ имъ въ ссылкѣ. Приводимъ это мѣсто здѣсь.

.... »Передо мною наша бѣдная, старая, бѣлая хата, съ потемнѣвшею соломенною крышею и чернымъ *дымаремъ*; а около хаты, на *причілку*, яблоня съ краснобокими яблоками, а вокругъ яблони — цвѣтникъ, любимый моей незабвенной сестры, моей терпѣливой, моей иѣжной няньки.

(*) Т. Гр. всегда считалъ своею родиною с. Керелівку, что можно видѣть и изъ «писма» его къ редактору «Народнаго Чтенія»; по всѣ родные Т. Гр. положительно утверждаютъ, что онъ родился въ с. Моринцахъ.

А у воротъ стоитъ старая развѣсистая верба, съ засохшею верхушкою; а за вербою стоитъ клуна, окруженная стогами жита и разнаго-всякаго хлѣба; а за клунею, по косогору, пойдетъ уже садъ, а за садомъ—*ливада*; а за ливадою—долина, а въ долину тихій, едва журчащій, ручеекъ, уставленный вербами и калиною и окутанный широколиственными, темнозелеными, лопухами. А въ этомъ ручейкѣ, подъ нависшими лопухами, купается кубическій, бѣлокурый мальчуганъ; выкупавшись, перебѣгаетъ онъ долину и ливаду, вбѣгаетъ въ тѣнистый садъ и падаетъ подъ первую грушею или яблонею, и засыпаетъ настоящимъ невозмутимымъ сномъ. Проснувшись, онъ смотритъ на противоположную гору, смотритъ, смотритъ и спрашиваетъ у себя: — а что же тамъ за горою? Тамъ должны быть желѣзные столбы, что поддерживаютъ небо. А что, если бы пойти да посмотреть, какъ это они его тамъ подпираютъ? — Пойду да посмотрю! вѣдь это недалеко. — Всталъ и не задумавшись, пошелъ онъ черезъ долину и ливаду, прямо на гору. И вотъ выходитъ онъ за село; прошелъ царину, прошелъ съ полверсты поле; на полѣ стоитъ высокая, черная могила. Онъ вскарабкался на могилу, чтобъ съ нея посмотреть—далеко ли еще до тѣхъ желѣзныхъ столбовъ. Стоитъ мальчуганъ и смотритъ во всѣ стороны: и по одну сторону—село, и по другую сторону—села, и тамъ изъ темныхъ садовъ выглядываетъ трехглавая церковь, бѣлымъ желѣзомъ крытая; тамъ тоже выглядываетъ церковь изъ темныхъ садовъ и тоже бѣлымъ желѣзомъ крытая. Задумался мальчуганъ; нѣтъ, думаетъ онъ, сегодня поздно, не дойду я до тѣхъ желѣзныхъ столбовъ; а завтра, вмѣстѣ съ Катрею, —она до *череды* коровъ погонитъ, а я пойду къ желѣзнымъ столбамъ; а сегодня *одурю* Микиту: скажу, что я видѣлъ желѣзные столбы, тѣ, что подпираютъ небо. — — И скатившись кубаремъ съ могилы, онъ всталъ на ноги и пошелъ, не оглядываясь, въ чужое село; къ его счастью, встрѣтились ему чумаки и, остановивши, спросили: а куди мандруешь, парубче?—До-дому!—А лежъ твоя дома, небораче?—Въ Керелівці!—Такъ чогожъ ти йдешъ у Моринці!—Я не въ Моринці, а въ Керелівку йду. — А коли въ Керелівку, такъ сідай на мою *мáжу*, товаришу, мы тебе доведемó до-дому. «Посадили его на *скриньку*, что бываетъ въ передкѣ чумацкаго воза, и дали ему батогъ въ руки, и онъ погоняетъ себѣ волы, какъ ни въ чемъ не бывало. Подѣзжая къ селу, онъ увидалъ свою хату на противоположной горѣ и закричалъ весело: «онъ де, онъ-де наша хата!» — А коли ти вже бачишъ свою хату, сказаль хозяинъ воза, то и йди собі зъ Богомъ. И снявши мальчугана съ воза, спустилъ его на землю и, обращаясь къ товарищамъ, сказалъ: «нехай иде

собі зъ Богомъ! «—Нехай иде собі зъ Богомъ! проговорили чумаки, и—мальчуганъ побѣжалъ себѣ съ Богомъ въ село. На дворѣ уже смеркало, когда я (потому-что этотъ кубическій, бѣлокурый мальчуганъ былъ не кто иной, какъ смиренный авторъ сего, хотя и не сентиментальнаго, но тѣмъ не менѣ печальнаго разсказа) подошелъ къ нашему перелазу; смо-рю черезъ перелазъ на дворъ, а тамъ, около хаты, на темномъ, зеле-номъ, бархатномъ *шпоришѣ*, всѣ наши сидятъ себѣ въ кружкѣ и вече-ряютъ; только моя старшая сестра и нянька — Катерина не вечеряетъ, а стоитъ себѣ около дверей, подперши голову рукою, и какъ будто по-сматриваетъ на перелазъ. Когда я высунулъ голову изъ-за перелаза, то она вскрикнула: »прийшовъ, прийшовъ!« Подбѣжала ко мнѣ, схватила меня на руки, понесла черезъ дворъ и посадила въ кружокъ вечерять, сказавши: »сідай вечерять, прибудо!« Повечерявши, сестра повела ме-ня спать, и уложивши въ постель, перекрестила, поцѣловала и улыбаясь, назвала меня опять прибудую. Я долго не могъ заснуть; происшествія прошлаго дня мнѣ не давали спать. Я думалъ все о желѣзныхъ столбахъ и о томъ — говорить ли мнѣ о нихъ Катеринѣ и Микитѣ, или не гово-рить? Микита былъ разъ съ отцемъ въ Одессѣ и тамъ, конечно, видѣлъ эти столбы: какъ же я ему буду говорить о нихъ, когда я ихъ во все не видалъ? Катерину можно бѣ одурить.... нѣтъ, я и ей не скажу ничего; и подумавши еще не долго о желѣзныхъ столбахъ, я заснулъ...»

Воспоминаніе это относится, вѣроятно, къ 5-ти — 6-ти лѣтнему воз-расту Шевченка. Странно только, что онъ не говоритъ здѣсь ничего о своей матери, которая въ ту пору была еще жива.

До смерти матери, Шевченко, живя подъ ея крылышкомъ, не зналъ горя. Но со смертью ея (1823 г.), для него начался рядъ тѣхъ житей-скихъ невзгодъ, которыя преслѣдовали поэта до самой могилы.

По смерти жены, у Шевченка-отца осталось пятеро дѣтей: Ни-кита, Катерина, Тарасъ, Ирина и Осипъ. Последнему было года полто-ра. Въ крестьянскомъ быту, вдовцу съ такимъ семействомъ жить труд-но; необходима женщина, которая бы и по хозяйству *пóралась* и за дѣть-ми присмотрѣла. Поэто у очень естественно, что скоро, по смерти ма-тери, въ семью Шевченковъ вошла мачиха. По народнымъ понятіямъ, образъ мачихи постоянно соединяется съ чѣмъ-то не добрымъ, эгоисти-ческимъ; не добръ внесла мачиха и въ хату Шевченковъ...

У мачихи были дѣти отъ перваго брака, и отъ нихъ-то маленькіе Ше-вченки терпѣли особенно много горя; больше всѣхъ доставалось неуступ-чивому Тарасу, постоянно съ ними ссорившемуся. »Кто видѣлъ хоть издали

мачиху, (говорить самъ Т. Гр., въ томъ же разсказѣ «Княгиня»), и такъ называемыхъ сведенныхъ дѣтей, тотъ, значить, видѣлъ адъ въ самомъ отвратительномъ его торжествѣ. Не проходило часа безъ слезъ и дрики между нами, дѣтьми, и не проходило часа безъ ссоры и брани между отцомъ и мачихой. Мачиха особенно ненавидѣла меня, вѣроятно за то, что я часто тузилъ ея тщедушнаго Степанка...» Ссоры эти, со стороны Тараса, вскорѣ превратились въ ненависть, и вотъ по какому случаю: одинъ изъ сведенныхъ братьевъ укралъ у своего постояльца — солдата три золотыхъ; тотъ оглядѣлся и сталъ ихъ искать. Мачиха изъяснила подозрѣніе на пасынка — Тараса; этотъ божился въ своей невинности, но мачиха стояла на своемъ: «гроші укравъ Тарасъ». Послѣдній продолжалъ отпѣкиваться; тогда ему связали руки и ноги и розгами, щелро посыпавшимися изъ рукъ его дяди, думали вынудить признаніе.... Отъ боли Шевченко принялъ преступленіе на себя, но когда его развязали и спросили: куда-же онъ дѣвалъ украденныя деньги, маленькій мученикъ отвѣчалъ, что онъ закопалъ ихъ тамъ-то въ саду; когда ему приказали указать мѣсто опредѣленіе, Шевченко снова отперся и пытка снова началась... Но ничего больше не добились, и бѣдный пасыночекъ брошенъ былъ чуть не замертво. Между тѣмъ, солдата удовлетворить было необходимо, для чего и продали юбку покойной матери. Настоящій воръ открылся уже гораздо позже.

Случай этотъ нельзя не признать уважительной причиной той ненависти, которую Т. Гр. питалъ къ своимъ сведеннымъ братьямъ, а отчасти и къ дядѣ, нелюбовь къ которому сохранилъ онъ до смерти.

Вскорѣ за этимъ событіемъ, Т. Гр. былъ отданъ отцомъ къ мѣщанину Губскому на выучку. Грамота ему далась: букварь Шевченко выучилъ очень скоро; только Губскій никакъ не могъ справиться съ своимъ ученикомъ, чтобъ унять его отъ проказъ. Шевченко то и дѣло уходилъ отъ своего учителя и всегда, бывало, напроказничаетъ при этомъ. Отецъ тоже напрасно старался унять его... и умирая (1823 г.) высказалъ, между прочимъ, замѣчательное пророчество насчетъ будущности сына: «синові, Тарасу изъ моего хазайства нічого не треба; — вінъ не буде абіякимъ чоловікомъ: зъ ёго буде або щось дуже добре, або велике ледащо; для ёго мое наслідство або нічого не буде значить, або нічого не pomoже.» Слова эти очень знаменательны, чтобъ видѣть въ нихъ одну случайность; жаль только, что память родныхъ Т. Гр. не сохранила данныхъ, которые привели отца его къ такому заключенію.

Послѣ смерти отца, Шевченко отданъ былъ въ школу къ сельскому дьяку Бугорскому, гдѣ выучилъ часословъ и псалтырь. Потомъ перешелъ онъ къ священнику Нестеровскому, у котораго выучился писать, и затѣмъ, почему-то, снова возвратился къ Бугорскому. Вѣроятно объ этомъ наставникѣ вспоминаетъ Шевченко и въ «письмѣ» своемъ къ редактору *Народнаго Чтенія* и въ разсказѣ «*Княгиня*».

У Бугорскаго, какъ и Губскаго, Шевченко, по преданію, учился хорошо, но учитель никакъ не могъ помириться съ его непосидчивостью, — чему впрочемъ и самъ бывалъ причиною, по своей непомѣрной съ нимъ строгости. Тарасъ очень часто бросалъ школу и, обыкновенно, въ это время скитался по разнымъ пустырямъ. Любимымъ убѣжищемъ его въ такихъ случаяхъ былъ садъ односельнина Шевченковъ — *Жениха*. Здѣсь, въ калиновомъ кустарникѣ, бѣглый школяръ устроилъ себѣ уютное убѣжище отъ школьной розги: очистивъ площадку и высыпавъ ее пескомъ, онъ сложилъ себѣ изъ дерну нѣчто въ родѣ постели и уединялся сюда, когда становилось ему не подъ силу терпѣть школьныя муки ⁽¹⁾. Въ этомъ убѣжищѣ Шевченко оставался иногда по нѣскольку дней, при помощи своихъ сестеръ, которыя снабжали его въ такихъ случаяхъ съѣстнымъ и вообще покрывали проказы брата, чтобъ избавить его отъ лишнихъ цинковъ дьяка и мачихи ⁽²⁾.

Какъ проводилъ время Шевченко у Жениха въ калинѣ, объ этомъ сохранилось у него воспоминаніе въ «посланіи къ А. О. Козачковскому»:

(1) Ирина Григорьевна, разсказывая намъ объ этомъ, прибавила: «на-терпівся-таки Тарасъ у тій школі, — товкли ёго тамъ, якъ того гѣмана; часомъ, не витерпе та щбъ скаже, то все ёму есть...»

(2) Къ сестрамъ Т. Гр. питалъ особенную любовь: онѣ были его единственными друзьями дѣтства; съ товарищами своими Шевченко, по преданію, не любилъ водиться и ни къ одному изъ нихъ не привязывался, какъ бываетъ у дѣтей; даже съ братьями — дѣтьми онъ былъ довольно холоденъ. Вся его дѣтская привязанность сосредоточивалась на сестрахъ. Старшая изъ нихъ — Катерина Гр. была нянькою поэта и замѣняла ему, насколько могла, умершую мать. Она умерла въ первую холеру (1830). Самые нѣжныя отношенія — къ меньшей сестрѣ, Иринѣ Гр., Шевченко сохранилъ до самой смерти. Приѣзжая на родину, онъ обыкновенно останавливался у нея и при этомъ любилъ бесѣдовать съ ней, какъ онъ её выкупить, какъ она съ дѣтьми будетъ вольными, какъ онъ устроить ея жизнь. Особенно много на этотъ мотивъ говорилъ Шевченко въ послѣдній свой приѣздъ на родину, въ 1859 г.; но смерть не дала ему исполнить задушевныхъ его желаній.

Давно те діялось. Ще въ школі,
 Такий въ учителя—дака,
 Гарієнько вкраду пятака,
 (Бо я було трохи не голе —
 Такé убоге) та й куплю
 Папéру а́ркушъ; изроблю
 Маленьку кни́жечку, — хрестами
 И везерунками зъ квітками
 Кругомъ листочки обведу.
 Та й списую Сквороду́
 Або »три царіє со дари,«⁽¹⁾
 Та самъ собі, у бур'яні,
 Щобъ не почу́въ хто, не побачивъ,
 Виспівую одинъ та плачу...

Въ это же время Шевченко пересталъ стричься, сталъ носитъ волосы вкружокъ, какъ у *большихъ*; самъ сшилъ себѣ шапку, въ родѣ конфедератки, и всѣми этими «странными» обращалъ на себя вниманіе не только товарищей своихъ, но и старшихъ...

Подобными же странностями, вѣроятно, вызвалъ Шевченко у отца и тотъ предсмертный приговоръ его, который сообщенъ выше.

Никита Григорьевичъ, старшій братъ поэта, попробовалъ-было приучать его къ хозяйству, но всѣ попытки были напрасны: Т. Гр — чу скоро наскучали эти занятія и онъ, не задумываясь, бросалъ воловь въ полѣ и уходилъ бродить на свободѣ.

Такъ прошло дѣтство Т. Гр. Мы видимъ, что маленький Шевченко со многимъ не мирялся въ окружавшей его средѣ и замѣтно выделялся изъ круга своихъ сверстниковъ; все это нужно приписать особенной впечатлительности его природы, которая не измѣняла ему до самой смерти. Съ отроческихъ лѣтъ Т. Гр. выказывалъ уже замѣчательную пытливость ума; съ особеннымъ вниманіемъ прислушивался онъ, какъ его дѣдъ и отецъ повелутъ бывало, въ праздникъ какой, бесѣду о старинѣ. Отецъ Т. Гр. былъ грамотный и, для своей среды, довольно начитанный; бесѣда его отличалась религіознымъ характеромъ: онъ любилъ пересказывать житія святыхъ и разныхъ подвижниковъ благочестія. Другого характера была бесѣда дѣда, живаго свидѣтеля *Колівщини*⁽²⁾; всѣ герои этого кроваваго эпизода украинской исторіи были хорошо ему извѣ-

(1) Вирша, сочиненіе Кіевскихъ бурсаковъ, которую они распѣвали на рождественскихъ праздникахъ.

(2) Дѣдъ Т. Гр. умеръ въ 40-хъ годахъ, имѣя отроду до 115 лѣтъ.

стны и о нихъ-то любилъ онъ по праздничнымъ вечерамъ повѣствовать дѣтямъ и внукамъ.

Разсказы дѣда и отца, безспорно, имѣли большое вліяніе на развитіе творческаго дара нашего поэта и не могли не отразиться впоследствии на его произведеніяхъ. Въ эпилогъ къ «Гайдамакамъ» говоритъ объ этомъ самъ поэтъ:

Бувало, въ неділю, закрівши Минією,
По чарці зъ сусідомъ випевши *тієї*,
Батько діда прбсить, щобъ той розказавъ
Про Коліивщину, якъ колись бувало,
Якъ Залізникъ, Гонта, Ляхівъ покаравъ.
Столітні очі, якъ збрі, сїяли,
А слово за словомъ сміялось, лилось:
Якъ Ляхи канали, якъ Сміла горіла,
Сусіди одъ страху, одъ жалю німіли.
И міні, малому, не разъ довелось
За тїтаря плакати. И ніхто не бачивъ,
Що малі дитїна у куточку плаче.
Спасїбі, дідусю, що ти заховавъ
Въ голові столітній ту славу козачу:
Я її унїкамъ теперъ розказавъ — —

Кромѣ разсказовъ дѣда, въ созданіи «Гайдамакъ» имѣло участіе, какъ можно думать, и путешествіе маленькаго Шевченка въ Мотронинскій монастырь. Объ этомъ путешествіи покойный поэтъ разсказывалъ Ив. Маке. Сошенку. Въ Мотронинскій монастырь Шевченко ходилъ съ сестрами, на *прощу*. Монастырь этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ *цвинтарі* его положено много *коліивъ*, какъ гласятъ о томъ каменные плиты, находящіяся на нѣкоторыхъ изъ могилъ. Маленькій Шевченко, въ это время уже грамотный, прочитывалъ могильныя надписи, удовлетворяя тѣмъ любопытство какъ свое собственное, такъ и другихъ богомольцевъ, межъ послѣдними не мало нашлось хорошо помнившихъ покойниковъ Мотронинскаго цвинтаря, и они тутъ же дополняли лаконическія надписи своими воспоминаніями о *коліяхъ*. Эти разсказы Шевченко слушалъ съ такимъ вниманіемъ, что память о нихъ сохранилась у поэта до поздняго времени ⁽¹⁾.

(1) Основую «Гайдамакъ» поэтъ взялъ, какъ извѣстно, мученическую судьбу Мліевскаго тїтаря; трагическая смерть послѣдняго сохранилась въ памяти его дѣда и другихъ старожиловъ Керелівки со всѣми подробностями, какъ близкаго сосѣда. Степень участія фантазіи поэта въ «Гайдамакахъ» можно видѣть изъ сравненія этого произведенія съ современной запиской о смерти тїтаря, напечатанной въ Кіевскомъ журналѣ «Руковод-

Съ ранняго дѣтства у Т. Гр. особенно была замѣтна страсть къ рисованью: гдѣ только можно было, на стѣнахъ, дверяхъ, воротахъ, Шевченко постоянно малевалъ, углемъ или мѣломъ. Въ школѣ, когда уже онъ могъ достать бумагу и карандашъ, страсть эта развилась въ немъ еще сильнѣе. Поддерживаемый этой страстью и въ то же время потерявъ терпѣніе—сносить долѣе школьную жизнь, Шевченко бѣжалъ въ м. Лисянку къ діакону—маляру, но и тутъ ему трудно было ужиться, какъ видно изъ автобіографическаго письма къ редактору «Народнаго Чтенія». Въ томъ же письмѣ Шевченко говоритъ, что изъ Лисянки онъ перешолъ въ Тарасовку, гдѣ думалъ—было пріютиться у другого маляра—дьячка; послѣдній нашелъ Шевченка неспособнымъ къ малярству и тѣмъ заставилъ его возвратиться домой, въ Керелівку. Такъ рассказываетъ самъ Т. Гр.; но сестра его, Ирина Григорьевна, передала намъ подробности этого бѣгства нѣсколько иначе: соскучившись школьною жизнью и въ то же время чувствуя страсть къ рисованію, Шевченко бѣжалъ отъ Бугорскаго въ с. Хлебновку, славившуюся своими малярами. У одного изъ нихъ Т. Гр. и поселился, и прожилъ здѣсь недѣли двѣ, на испытаніи. Хлебнівскій маляръ нашелъ его способнымъ къ своему мастерству, но боясь ответственности, что держитъ помѣщичьяго мальчика безъ вида, посоветовалъ Шевченку выхлопотать сначала нужное свидѣтельство и затѣмъ уже поселиться у него — на ученіе. Т. Гр. отправился въ м. Вільшану, гдѣ жилъ Ангельгардтовъ управляющій—Дмитренко, и сталъ просить вида на прожителство у Хлебнівскаго маляра. Дмитренко, разговорившись съ мальчикомъ и замѣтивъ его бойкость, вмѣсто выдачи свидѣтельства, взялъ Т. Гр. въ число своей прислуги.

Вскорѣ пріѣхалъ на родину самъ помѣщикъ, и участь поэта была рѣшена: онъ поступилъ къ барину въ комнатные *козачкіи*. Это было въ 1829 г. На этомъ событіи оканчивается первый періодъ жизни Шевченка.

А. Л. ЛАЗАРЕВСКІЙ.

9 марта 1862 г.

Черниговъ.

ство для сельскихъ пастырей, 1860 г. Будущій издатель сочиненій Шевченка не долженъ забыть, что у М. М. Л—з—р—аго хранится экземпляръ «Гайдамакъ» значительно исправленный, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и совершенно переработанный, поэтомъ, по пріѣздѣ его въ Петербургъ, въ 1858 г.

УМАНСКАЯ БѢДА

1768 года 20-го июня.

(Переводъ польской рукописи неизвѣстнаго современника, хранящейся въ Львовской Библіотекѣ Оссолинскихъ.)

Трудно доискаться начала и указать источникъ этого ужаснаго дѣла; однако я полагаю, что не разойдусь съ историками, передающими это событіе потомству, если скажу, что оно произошло отъ особеннаго, распространеннаго въ Украинѣ, отвращенія къ единству съ Римскою Церковью. Въ послѣдніе годы сильнѣе, чѣмъ прежде, владѣльцы украинскихъ имѣній, а еще болѣе епископы и митрополиты униатскіе, стали возбуждать въ людяхъ какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго сословія, горячую ревность къ защитѣ единства съ Римскою Церковью. Тогда Мельхиседекъ Яворскій, не-униатъ, настоятель Мотренинскаго монастыря, скрытно предъ тѣмъ дѣйствовавшій, началъ явно и смѣлѣе подговаривать къ схизмѣ и отводить отъ послушанія униатскому митрополиту простыхъ людей и священниковъ по всей Украинѣ, особенно же въ Смѣлянщинѣ, Черкащинѣ, Жаботинщинѣ и въ другихъ сосѣднихъ мѣстахъ. Въ слѣдствіе-же особеннаго (здѣсь недостаетъ слова, — можетъ-быть—приказанія?), какъ я полагаю, тогдашняго Переяславльскаго епископа Гervasія Линевскаго, не-униата, онъ осмѣлился позволять постройку новыхъ церквей, освящать ихъ и склонять на свою сторону народъ, который почти всегда противился соединенію Церквей. Дѣйствительно, вскорѣ онъ склонилъ къ своимъ цѣлямъ почти всю Смѣлянщину, Жаботинщину и другія смежныя волости тѣмъ легче, что тамъ многіе были связаны родствомъ съ жителями лѣваго берега Днѣпра. Вздонованная чернь начала бунтовать и осмѣлилась бить, изгонять, окровавлять униатскихъ священниковъ съ явнымъ отказомъ въ послушаніи митрополиту, своему пастырю, и съ большимъ презрѣніемъ не только къ храмамъ Господнимъ, но и къ

святымъ Дарамъ. Тогдашній митрополитъ, Фелиціанъ Володковичъ, видя поражение своей паствы, посѣщилъ, какъ чадолюбивый пастырь, принять дѣятельныя мѣры къ вразумленію погибшихъ, и потому рѣшился прежде всего схватить упомянутаго Мельхиседека, какъ незаконно вмѣшавшагося въ его управление, что и исполнилъ, заключивъ его въ Радомыслѣ, а потомъ въ Дерманѣ на Волыни. Здѣсь онъ собственноручно написалъ на русскомъ языкѣ и подписалъ добровольное показаніе о томъ, къ кому былъ посланъ и подстрекаемъ къ этому дѣлу, о чемъ выше было уже сказано. Но ускользнувъ, ему только извѣстнымъ образомъ, изъ этого заключенія, онъ возвратился въ свой монастырь. Въ это время «національное» войско разсѣяло чернь, возмущенную однимъ козакомъ и собравшуюся въ Смѣлянщинѣ въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ. Упомянутый козакъ и соединенная съ нимъ чернь, за мятежъ противъ церкви и своего господина, были наказаны смертю и заключеніемъ; такимъ образомъ мятежный духъ былъ подавленъ, но не надолго.

Вскорѣ, именно 1767 г., Русскій Дворъ началъ договариваться съ Рѣчью Посполитою Польскою о гарантіи, которая и предоставлена ему Варшавскимъ трактатомъ, заключеннымъ въ 1768 году. Нѣкоторые Поляки, противясь этому трактату и не допуская его исполненія, въ томъ же году и мѣсяцѣ, когда окончился сеймъ, составили въ городѣ Барѣ, находящемся въ Подольскомъ воеводствѣ, конфедерацію, маршалками которой были Красинскій, подкоморій Рожанскій, и Пулавскій, Варецкій староста. Конфедераты вызвали въ Подоль изъ Украины всѣ войска, бывшія въ то время подъ командою Воронича, regimentаря Украинскаго отдѣла войскъ; но не вывели изъ Украины Смѣлянскихъ, Черкасскихъ, Жаботинскихъ, Уманскихъ и другихъ козаковъ, отчасти потому, что сами козаки противились, отчасти и потому, что ихъ господа, обращая свое вниманіе на дальнѣйшія послѣдствія, не позволяли имъ выходить. Такимъ образомъ, открылся къ рѣзнѣ самый удобный случай. Особенно Запорожскіе козаки, числомъ до нѣсколькихъ сотъ, вступивъ въ Польскія границы съ вымышленными указами, будто-бы изданными Россійской императрицей, увѣряли, будто Русскій дворъ имѣетъ такое намѣреніе, чтобы Украинцы, избивъ Поляковъ, Жидовъ и Русиновъ-уніатовъ, освободились отъ всякаго подданства Полякамъ и, присоединившись къ Русскому государству, пользовались большею свободою. По всей Украинѣ ходилъ слухъ, что изобрѣтателемъ этихъ указовъ былъ вышеупомянутый Мельхиседекъ, что показывали даже сами чернецы. Тоже самое показали и злодѣи, веденные на смертную казнь. Таково было начало ужаснаго событія въ Уманѣ.

Украинская чернь, возбужденная этимъ способомъ, и всегда дышавшая ненавистью къ Полякамъ, отказавшись отъ послушанія своимъ господамъ, въ большомъ количествѣ начала соединяться съ вышеупомянутыми козаками, зачинщикомъ и атаманомъ которыхъ былъ Запорожскій козакъ, по фамиліи Залізнякъ, избранный для этого упомянутымъ Мельхиседекомъ. Онъ былъ прежде сотникомъ въ Запорожѣ, совершилъ многія грабительства, покражи и убійства, нападая на сосѣднія пограничныя мѣста, и тревожимый совѣстью, отправился, какъ бы на покаяніе, въ Кіевъ и жилъ тамъ при монастырѣ Кіевопечерскомъ. Мельхиседекъ, узнавъ объ этомъ, обратился къ нему, и своими наущеніями, при помощи другихъ чернецовъ, такъ сумѣлъ овладѣть имъ, что онъ принялъ начальство надъ скопившейся сволочью. Это мятежное скопище навело такой страхъ, что помѣщики и жидаы изъ всѣхъ окрестностей, съ имуществомъ своимъ, собрались для безопасности въ Умань въ такомъ множествѣ, что этотъ городъ, хотя довольно обширный, не могъ вмѣстить ихъ, и потому всѣ улицы, предмѣстія и рынокъ были наполнены ихъ таборами. Однихъ посессоровъ, кромѣ другихъ помѣщиковъ, можно было насчитать тогда въ Уманѣ около 226, а учащихся, изъ которыхъ немногіе избѣгли смерти, до 400.

Вскорѣ пришло извѣстіе, что Гайдамаки приближаются къ Уманю. Это извѣстіе произвело между собравшимися несказанную тревогу: вѣрныхъ оно побудило приготовляться къ смерти, всѣхъ—скрывать имущества, которыя и до сихъ поръ находятъ въ землѣ. О. Ираклій Костецкій, ректоръ Базилянскаго монастыря и первый миссіонеръ, о. о. Янъ Левицкій, вице-ректоръ, Илья Магеревицъ, второй миссіонеръ, Епифаній Ляхоцкій, третій миссіонеръ, Либерій Очавскій, Базилиане, рѣшились остаться въ монастырѣ, а всѣ профессора, которыхъ было шестеро, съ согласія своего ректора, скрылись въ Волинь. Оставшіеся утѣшали испуганныхъ, укрѣпляя ихъ въ святой вѣрѣ: исповѣдывали въ продолженіи пятницы, субботы, воскресенья и понедѣльника до восьми часовъ, т. е. 17, 18 и 19 іюня; а въ послѣдній день, т. е. 20-го, въ понедѣльникъ, вмѣстѣ съ другими понесли жестокую смерть.

Прежде нежели началось это ужасное событіе, было донесено въ уманскій замокъ, Младановичу, губернатору Уманской волости, о ненадежности козаковъ уманскихъ, которые находились въ то время въ одномъ отрядѣ подъ начальствомъ Обуха, придворнаго полковника, на границѣ со стороны Новосербіи. Поэтому Младановичъ, давъ предписаніе, чтобы они шли къ Уманю, призвалъ тотчасъ сотника Гонтю съ «началами» или офицерами козацкими, для присяги въ вѣрности господину и

городу, что онъ и исполнилъ въ ратушѣ въ присутствіи мѣщанъ, общая не измѣнять подѣ всевозможными клятвами. Когда было уже навѣрное извѣстно, что болѣе 500 гайдамаковъ находятся въ Соколовкѣ, мѣстечкѣ, лежащемъ недалеко отъ Уманя, и оттуда отправляются къ Уманю, то противъ нихъ отрядили, (оставивъ пѣхоту въ городѣ), всѣхъ конныхъ козаковъ, которыхъ тогда было до семисотъ, полагая въ Гонта всю надежду на спасеніе. При этомъ отрядѣ находились два полковника: Обухъ и Магнушевскій. Во время похода къ Соколовкѣ, Гонта сговорился съ козаками и отказался повиноваться полковникамъ, но помня ихъ услужливость и тѣсную дружбу, позволилъ имъ спасти жизнь бѣгствомъ, хотя и жизнь-то они спасли только за границей, потому что козаки ихъ преслѣдовали, вѣроятно съ тѣмъ, что, когда они будутъ убиты, Умань, ничего не зная объ измѣнѣ и полагаясь на Гонта, тѣмъ легче достанется ему въ добычу. Соединившись съ вышеупомянутыми мошенниками по условію, безъ сомнѣнія прежде заключенному, они подступили къ городу, который, увидя, что бунтовщики окружаютъ палисады и уже обогрены кровью жидовъ и христіанъ, застигнутыхъ ими за палисадами, тотчасъ заперъ ворота и снялъ мосты. Шляхта, жида, пѣхотные козаки, придворный капитанъ Ленардъ съ придворной пѣхотой, число которой простиралось до ста человѣкъ, и собравшіеся для конфедерации, всѣ обратились къ защитѣ тѣмъ бодрѣе, что у нихъ было все въ готовности къ отраженію, какъ-то: пушки большія и полевые, до нѣсколькихъ десятковъ штукъ, очень много ружей, довольно пороху, пулъ и картечи. Придавало имъ отваги и присутствіе Прусаковъ, которые прибыли въ числѣ 50 человѣкъ для купли лошадей; но они, видя, что готовится битва, и не имѣя на то приказанія, спокойно вышли тѣми воротами, подлѣ которыхъ не было сволочи.

Дѣйствительно, надо думать, что, еслибъ не коварство, то вѣроятно въ Уманѣ не испытали-бы столь ужаснаго бѣдствія: хотя отъ 7 ч. вечера во всю ночь сильно и стремительно штурмовала его сволочь, паля изъ ружей и сгоняя изъ сосѣднихъ деревень толпы людей для рубки и подкапыванія палей, однако, разимая изъ города картечью и гаковницами, отступила, унеся съ собою немало труповъ. Видя, что нельзя достигнуть цѣли силою, она рѣшилась употребить коварство, которое и удалось. Сотникъ Гонта, приблизившись съ другими «началами» къ воротамъ, находящимся въ сторонѣ Грекова лѣска, и разтѣзжая на конѣ, — одинъ бѣлый платокъ, привязанный къ оконечности пики, выставялъ какъ знакъ мира и безопасности, а другой — послалъ губернатору Младановичу съ увѣре-

ніемъ, что какъ прежде онъ присягалъ въ вѣрности господину и городу, такъ и теперь ничѣмъ не думаетъ обижать осажденныхъ: напротивъ, общаетъ совершенное повиновеніе губернатору, если только добровольно впустить его съ козаками въ городъ. Къ этому онъ добавилъ угрозу, что въ случаѣ отказа употребить всевозможныя усилія и жестокости для отмищенія. Посланные передавали это просто, но съ такою хитростью, что обманутый губернаторъ не только не приказалъ, но даже запретилъ, какъ утверждаютъ, защищать городъ. Видя въ этомъ вѣрную погибель, осажденные обыватели, не имѣя возможности спасти жизнь, позаботились о спасеніи души, и съ этою цѣлью одни отправились на молитву въ Базилянскую капеллу, а другіе въ приходскій костѣль, гдѣ получили общее отпущеніе грѣховъ. Тѣ же, которые не могли тамъ помѣститься, сподоблялись этого таинства отъ Базилянскихъ священниковъ на рынкѣ и улицахъ. Страшное смятеніе распространилось: страхъ выжималъ слезы и вздохи; все прощались другъ съ другомъ. Наконецъ, послѣ непродолжительнаго спора съ одной стороны между Левардомъ, капитаномъ, и Марковскимъ, хорунжимъ придворнымъ, которые не соглашались впускать негодяевъ въ городъ и хотѣли дать одновременный залпъ изъ пушекъ и ружей по приближающимся къ воротамъ, и между губернаторомъ съ другой стороны, — ворота были отперты. Гонту, Залізняка и другихъ начальниковъ привѣтствовали хлѣбомъ и солью, которые были выставлены мѣщанами на столѣ по старому обычаю, причемъ присутствовали и главные должностныя лица. Набралась тотчасъ большая толпа сволочи; немедленно представлена была сильная стража къ капеллѣ, костѣлу и божницѣ жидовской; ратуша окружена со всехъ сторонъ, губернаторъ со всемъ семействомъ посаженъ подъ строгій арестъ въ домъ одного мѣщанина, а послѣ совѣщанія Гонты съ Залізнякомъ, продолжавшагося нѣсколько времени, когда Гонта крикнулъ козакамъ: »може, браття, часъ розпочати діло«, начались жестокости, достаточно описать которыя невозможно.

Прежде всего подверглись дикой ярости тѣ, которые находились на рынкѣ. На улицахъ и въ домахъ кололи, рѣзали, убивали, не обращая ни малѣйшаго вниманія ни на лица, ни на плачъ и просьбы; прозенныхъ пиками младенцевъ бросали вверхъ, на воздухъ или на крыши, а если они падали еще живые, то ихъ губили, подвергая вторично тѣмъ же мукамъ. Плачъ, крикъ, молебны наполняли воздухъ; ужасный стонъ издавали матери, которымъ распарывали внутренности, чтобы вынутый изъ нихъ плодъ уничтожить жестокимъ образомъ. Оказали, правда, сопро-

тивленіе этой ярости собравшіеся конфедераты и придворные солдаты, но у нихъ не было хорошихъ предводителей, такъ-какъ недовольный капитанъ Ленардъ тотчасъ послѣ спора съ губернаторомъ скрылся изъ города, и потому, ранивъ выстрѣлами болѣе десятка гайдамаковъ и убивъ нѣсколько десятковъ, сами они всѣ до послѣдняго были перебиты.

Когда не осталось никакого сопротивленія, одни направились въ приходскій костѣль, другіе въ базилианскую капеллу. Войдя въ костѣль, одинъ изъ атамановъ вскочилъ на кафедру и, безстыдно понося собранную шляхту, издѣваясь надъ обрядами и богослуженіемъ, осыпалъ богохульственными ругательствами таинства, образа и всю католическую вѣру; наконецъ, когда онъ закричалъ: рѣжьте, — каждый, какъ бѣшеный, бросился на самыхъ почтенныхъ и знатныхъ лицъ. Ксеендза Вадовскаго, коммендарія, искололи у алтаря пикою; однихъ обнажали, другихъ разсѣкали топоромъ, по третьимъ застрѣляли, инымъ наносили смерть ножами, пиками и дубинами, вытаскивали за волосы маститыхъ старцевъ и нѣжныхъ дамъ, и публично ихъ насиловали; раздирали младенцевъ... Тоже самое происходило и съ находившимися въ базилианской капеллѣ: здѣсь ксеендза Костецкаго, ректора Уманскихъ школъ, сперва изранили выстрѣлами; потомъ, когда онъ собиралъ съ земли и съѣдалъ выброшенные сволочью, на поношеніе, святыя дары, закололи пиками и бросили въ канаву. Отцовъ: Яна Левицкаго, вице-ректора, Илью Магеревича, Либерія Очавскаго и Маевского, базилианъ, вытащили изъ капеллы и, обнаживъ, жестоко били, требуя, чтобъ они указали монастырскую казну и имущества, отданныя помѣщиками въ монастырь на сохраненіе. Не найдя ихъ, потому что они уже были выкопаны въ подвалѣ другими мошенниками, забили упомянутыхъ монаховъ въ колодки, били по головамъ, лицу и спинѣ плетми, дѣвками пикъ, палками, кололи слегка пиками, и обведа нагихъ съ ругательствами и насмѣшками кругомъ ратуши, уже полумертвыхъ, по заступничеству нѣкоторыхъ мѣщанъ, отдали подъ крѣпкій караулъ въ домъ мѣщанина Игнатія Рогатого. Когда-же приходскій священникъ не униатской церкви св. Архангела Михаѣла, пребывающій до сихъ поръ въ схизмѣ за границей, сильно настаивалъ, чтобъ они были убиты, тогда вывели ихъ на улицу и близъ вышеупомянутой церкви искололи, оставивъ тамъ-же тѣла ихъ на поруганіе.

Неменьшимъ жестокостямъ подверглись жида, которыхъ въ одной только божницѣ вырѣзали до трехъ тысячъ. Тогда можно было видѣть людей, валяющихся въ собственной крови и умоляющихъ, чтобъ

ихъ кто-нибудь добилъ, изувѣченныхъ, однихъ безъ рукъ, другихъ безъ ушей, окровавленныхъ, бѣгающихъ нагишомъ по улицамъ, которыхъ чернь, собравшаяся изъ сосѣднихъ деревень, лишала остатка жалкой жизни топорами и дубинами. Можно было видѣть, какъ вытаскивали разныхъ лицъ изъ подваловъ, бурьяна, рововъ и другихъ тайниковъ; какъ убѣгающихъ хватали и сгоняли въ одно мѣсто стадами, какъ самыя женщины, разевирѣпѣлыя по примѣру своихъ мужей, примѣтая прячущихся, рѣзали и убивали ихъ ножами, серпами, кочергами, заступами, подстрекая и приучая дѣтей своихъ къ подобнымъ жестокоствамъ. Не только расхищали имущество изъ дворянскихъ домовъ и обирали до-нага трупы, но и изъ костѣла и базилянской капеллы похищали утварь и украшенія, забирали имущество, отданное помѣщиками на сохраненіе, котораго было не мало, и сносили къ Гонтѣ, какъ въ складочное мѣсто. Одни, сбросивъ свои отвратительныя рубища, переодевались въ снятыя съ труповъ платья, другіе, съ презрѣніемъ сидя на алтаряхъ, снимали ходаки и надѣвали сапоги или новую обувь. Когда атаманъ Тыликъ, еще сохранившій въ себѣ нѣсколько страха Господня, уносилъ изъ костѣла въ церковь обвязанную антиминсомъ коробочку съ святыми дарами, то ее вышибли у него изъ рукъ и разсыпанные по землѣ святыя дары топтали святотатственно ногами, смѣшивая ихъ съ кровью, истекавшею изъ труповъ. Одни ломали распятія и богохульственно плевали на нихъ, другіе, одѣвшись въ ризы, шли развратничать; иные, пробивъ дыры въ доскахъ, привѣшивали ихъ къ лентамъ и носили на подобіе орденовъ, а изъ церковныхъ сосудовъ пьянствовали.

Сволочь, упившаяся уже невинною кровью своихъ соплеменниковъ и господъ, истребивъ, въ продолженіи семи безъ-малаго часовъ, болѣе восемнадцати тысячъ людей разнаго званія, начала въ этотъ день немного успокоиваться, и чтобъ найти причину пощадить остальныхъ изъ согнанныхъ въ одно мѣсто и вытасканныхъ изъ разныхъ тайниковъ, рѣшила крестить ихъ, погружая троекратно всего человѣка въ воду, приготовленную въ чану. Съ этою цѣлью согнали всѣхъ въ церковь св. Николая; но когда старикъ-священникъ не хотѣлъ ихъ крестить, какъ уже крещенныхъ, то его убили палками и отправились къ вышеупомянутому приходскому священнику церкви св. архангела Михаяла, и здѣсь рѣшеніе толпы было исполнено. Этотъ священникъ, будучи въ томъ заблужденіи, что крещеніе, совершенное священниками, соединенными съ Римскою церковью, не дѣйствительно, охотно взялся исполнить требованіе толпы, хотя этого не одобряли сами приведенныя лица, а нѣкоторые совѣмъ не хотѣли

принимать крещенія. Но такихъ было очень мало: едва нашлись три лица, которыя предпочли жестоку ю смерть вторичному крещенію. Окрещенныхъ сволочъ разобрала между собою.

Въ тотъ-же день, когда уже приближалась ночь, нѣсколько чело-вѣкъ, изъ любопытства, начали вламываться въ запертую башню, находящуюся въ городѣ недалеко отъ западныхъ воротъ. Одного изъ нихъ тотчасъ убилъ изъ пистолета Шафранскій, придворный землемѣръ владѣльца, спрятавшійся тамъ со своимъ слугою. Это сильно встревожило негодаевъ, почему одни, пригнавъ мужиковъ, приказали рубить топорами, другіе притащили пушку. Выстрѣливъ изъ нея въ башню, убили только слугу, спрятавшагося подъ крышей, и потомъ бросились съ топорами къ дверямъ. Хотя Шафранскій храбро защищался и убилъ нѣсколько чело-вѣкъ, однако, взятый превосходною силой, былъ изрубленъ.

Пылкая душа Гонты, сдѣлавшись орудіемъ столь большихъ жестокостей и столь великаго бѣдствія, уже была-бы должна умириться, но разъяренная свирѣпость и жажда мщенія, еще не насыщенная гибелью столькихъ людей, не позволила ему забыть о губернаторѣ Младановичѣ, на котораго онъ былъ особенно сильно ожесточенъ по слѣдующей причинѣ. Получивъ извѣстіе о мятежахъ, начавшихся въ Украинѣ, покойный воевода, желая обезопасить Уманщину, за нѣсколько недѣль передъ кровопролитіемъ написалъ къ Гонтѣ письмо, исполненное милостивыхъ выраженій и обѣщавшее оставить за нимъ въ наслѣдственную собственность принадлежавшіе уже ему хутора, отдать двѣ деревни въ пожизненное владѣніе и другія благодѣянія, лишь-бы только онъ въ защитѣ отъ негодаевъ Уманщины, особенно же самого Уманя, былъ вѣренъ, заботливъ и старателенъ. Младановичъ, по зависти-ли, или по презрѣнію, или-же по какому-либо другимъ причинамъ, письма этого не отдалъ и даже не показалъ Гонтѣ, который однако узналъ о немъ сперва со стороны, а потомъ нашелъ его между захваченными и снесенными къ нему вещами Младановича. Гонта приказалъ привести его къ себѣ съ женою и дѣтьми и, полный злобы, сказалъ ему слѣдующія слова: »измѣнникъ, ты былъ поводомъ къ этимъ жестокостямъ, ты причина этого кровопролитія (тутъ онъ указалъ на трупы)! Зачѣмъ-же ты, имѣя въ рукахъ письмо воеводы, не показалъ мнѣ его? что-же ты выигралъ этой утайкой?« По томъ сильно ударилъ его по открытой головѣ татарскою саблей. Палъ къ его ногамъ окровавленный Младановичъ, а приготовленные къ этому козаки тотчасъ изрубили его на мельчайшія части. Жену съ дѣтьми,

забивавшихся горячими слезами и просившихъ помощи, прежде всего обнажили и, окруживъ со всѣхъ сторонъ, послѣ разныхъ развратныхъ поруганій, искололи пиками. Къ этому самому времени привели одѣтаго въ сѣрую свитку и босаго Скаржинскаго, Уманскаго эконома. Хотя Гонта старался спасти его отъ смерти, однако, по настоянію крестьянъ, которые не разъ были имъ наказываемы, онъ сдѣлался жертвою мщенія, пораженный въ лобъ пулею. Ужасный видъ, какой представляло множество труповъ, *невинно* пролитая кровь, которою *были* *обаирены* *земля и стѣны*, также ожидаемый смрадъ отъ труповъ, которые запрещалось закапывать, какъ недостойные нѣдра земли, все это, не позволяя дикимъ умамъ сволочи успокоиться и долѣе оставаться въ городѣ, принудило ее выйти съ добычею на поле, лежащее къ югу отъ города и называющееся Карповка. Тамъ устроили лагерь и, укрѣпивъ его окопами и пушками, приступили къ раздѣленію сволочи на сотни или громады, изъ которыхъ каждая состояла изъ 100 разбойниковъ, и къ назначенію высшихъ чиновъ. Прежде всего, при повторенныхъ нѣсколько разъ выстрѣлахъ изъ пушекъ и ружей, провозгласили гетманомъ Максима Залізняка, полковникомъ Гонту. Ихъ обоихъ наименовали князьями, перваго Смѣлянскимъ, втораго Уманскимъ. Инымъ были розданы другіе чины. Правленіе въ Уманѣ въ это время досталось одному козаку, по фамиліи Уласенку, который потомъ составилъ большія деньги изъ податей цѣлой Уманщины и, предвидя, что сволочъ навѣрно будетъ разсѣяна, бѣжалъ въ Валахію. Новоизбранные начальники давали большіе, пышные пиры. Изъ всѣхъ окрестностей сдѣланы были большія доставки; меду, вина, водки собрано было около полутораста бочекъ; — ежедневно, въ-продолженіи почти двухъ недѣль, пировали съ крикомъ, возгласами, музыкой и другими развратными увеселеніями. Въ Гонтѣ однако постоянно замѣчали безпокойство, тревогу и замѣшательство. Въ этомъ состояніи онъ не разъ произносилъ такіа слова: «сомнѣваюсь, братцы, чтобъ мы могли распить то, что наварили.» Въ то же самое время произошелъ и дѣлежъ собранной добычи. Изъ сукна, шелковыхъ матерій, мѣховъ, разнаго платья и всякой утвари насыпали болѣе десятка большихъ *кургановъ*; кромѣ денегъ и часовъ, которыхъ было не мало, одного изломаннаго серебра набралось шесть сундуковъ. Залізняку, кромѣ другихъ дорогихъ вещей, досталось три сундука съ серебромъ, которые онъ продалъ въ Кіевѣ одному купцу только за девять тысячъ, хотя они гораздо больше стоили. Остальную часть серебра и

лучшей добычи назначили Гонтѣ, прочія-же вещи были раздѣлены между другими, сообразно чинамъ и выказанному въ рѣзнѣ мужеству.

Такъ какъ трупы въ продолженіи трехъ лѣтнихъ дней лежали непогребенными, то нестерпимый смрадъ принудилъ оставшихся въ городѣ мѣщанъ собраться вмѣстѣ и усиленно просить Залізняка и Гонту, чтобы трупы были убраны; но какъ трудно было копать ямы, то приказано было согнаннымъ мужикамъ сбросить тѣла въ колодезь, находящійся на самомъ рынкѣ между западомъ и сѣверомъ, въ лѣвомъ углу теперешней ратуши, если обратиться къ востоку. Колодезь былъ глубиною въ нѣсколько десятковъ сажень, но, не смотря на то, что много труповъ дѣлалось добычею собакъ, колодезь былъ набитъ трупами. Тѣла, находившіяся за городомъ, были оставлены на съеденіе звѣрямъ и птицамъ.

Очнувшись отъ опьяненія, какъ-бы отъ летаргическаго сна, сволочь, вмѣсто того, чтобы выйти изъ остервененія и оставить жестокости, составила совѣтъ, на которомъ согласились послать нѣсколько сотенъ въ сосѣднія мѣстечки и деревни для грабежа, разбоя и набора новой толпы, число которой всякій день значительно умножали мужики. Кто больше убьетъ Поляковъ или Жидовъ, тому былъ обѣщанъ высшій чинъ. И дѣйствительно, въ мѣстечкахъ Грановѣ, Теплинѣ, Дашовѣ, Тульчинѣ, Монастырищѣ, Гайсинѣ, Конелѣ, Басовкѣ, Ладыжинѣ и въ смежныхъ деревняхъ, Поляки и Жиды подверглись тѣмъ же жестокостямъ, что и въ Уманѣ. Изъ этихъ мѣстъ большую добычу ежедневно доставляли въ лагерь.

Сотникъ, по фамиліи Шило, съ пятидесятью конными козаками, хорошо вооруженными, и двумя пушками, отправился между тѣмъ въ Балту, мѣстечко, лежащее на Турецкой границѣ. Вырѣзавъ здѣсь Жидовъ и оставшуюся шляхту (многіе бѣжали на Турецкую сторону за рѣку Кодыму) и, захвативъ ихъ имущество, онъ требовалъ у Турецкаго паши выдачи остальныхъ; когда-же ему было отказано, хотѣлъ возвратиться въ лагерь. Этимъ-бы дѣло, вѣроятно, и кончилось, еслибъ Турокъ въ его присутствіи, не знаю по какому поводу, не убилъ Грека. Разгнѣванный этимъ сотникъ, присоединивъ къ себѣ еще столько-же негодіевъ, сколько у него было, сдѣлалъ такую сильную атаку на Турецкую сторону, что, не смотря на долгое сопротивленіе, Турки должны были выступить изъ города, ретируясь медленно съ захваченными лучшими вещами. Хотя одинъ атаманъ и нѣсколько гайдамаковъ были убиты, однако Шило до тѣхъ поръ продолжалъ атаку, пока не овладѣлъ всею Турецкою стороною и не избилъ всѣхъ, которые не спас-

лись бѣгствомъ. Правда, вскорѣ прибыли на помощь Татары, но не во время, потому что сволочь, нахватавъ бывшихъ подъ рукою пригодныхъ вещей, быстро скрылась. Въ честь прибытія упомянутого сотника и другихъ, которые въ тоже самое время возвращались въ лагерь съ добычей и набранной отовсюду сволочью, стрѣляли изъ пушекъ и ружей, издавали радостные крики и дѣлали причудливые пиры въ простонародномъ вкусѣ. Но эта радость измѣнилась вскорѣ въ нестерпимую печаль и несчастье для разбойниковъ, а для страны—въ утѣшеніе.

Въ самомъ разгарѣ увеселеній сволочи, дано было знать Залізняка и Гонть, что Русскій поручикъ, по фамиліи Кривой, прибылъ въ городъ съ 60 Донцами. Это сильно встревожило разбойниковъ, и потому они рѣшились быть осторожными и избѣгать Москалей; но благоразумный поручикъ съумѣлъ дать столько доказательствъ мнимой дружбы, что Залізнякъ и Гонта, убѣжденные въ его непритворности, не только приглашали его къ себѣ на общіе пиры и посылали значительные подарки, но сверхъ того позволили ему поставить, вмѣсто козаковъ, свои караулы въ городѣ. Чтобы, притомъ, оправдать свои дѣйствія и болѣе укрѣпить образовавшуюся связь съ поручикомъ, они показали вымышленный Мельхиседекъ указъ Россійской императрицы, увѣряя, что они готовы, по приказанію императрицы, пролить кровь до послѣдней капли, и что поэтому они единодушно рѣшились отправиться въ Бердичевъ для истребленія находившихся тамъ конфедератовъ. Поручикъ все это одобрилъ и обѣщалъ самъ присоединиться къ нимъ съ своимъ войскомъ, которое приближалось, состоя изъ цѣлаго полка карабинеровъ; но предварительно требовалъ удаленія крестьянъ, имѣвшихъ хозяйство, женъ и дѣтей, потому что подобные люди, объяснялъ онъ, не захотятъ перенести военныхъ трудовъ и лишеній, а побуждаемые къ бѣгству привязанностью къ своей странѣ, женамъ и дѣтямъ, ничего не сдѣлаютъ, кромѣ замѣшательства и безпорядка; сверхъ того страна разорится, лишившись людей, занимающихся земледѣліемъ. Это мнѣніе было одобрено, и тотчасъ приказано объявить, чтобы всѣ люди этого рода, а также тѣ, которые не чувствуютъ въ себѣ силъ къ перенесенію всѣхъ случайностей, представляющихся обыкновенно солдату, особенно во время войны, вышли изъ войска и разошлись по домамъ. Дѣйствительно, много мужиковъ послѣдовало этому мнѣнію и выбыло, но несравненно больше осталось. Наконецъ, объявлено было въ лагерь, чтобы всѣ готовились въ походъ, вмѣстѣ съ Русскимъ войскомъ, къ Бердичеву. Будто съ этою цѣлю, поручикъ совѣтовалъ, для возбужденія большаго мужества,

устроить въ предпоследній день пиръ, на которомъ сволочь до такой степени напилась медомъ и водкой, что очень мало осталось такихъ, которые были въ-силахъ двинуться съ мѣста. Подстрекали ихъ къ этому и Москали, но сами сохраняли самую строгую воздержность. Когда уже и Залізнякъ съ Гонтой напились порядочно, поручикъ, также притворяясь пьянымъ, въ сопровожденіи Гонты и Залізняка отправился въ свою резиденцію, бывшую въ городѣ. Прибывъ сюда, онъ, послѣ дружескихъ разговоровъ, увѣдомленный, что карабинеры находятся недалеко отъ лагеря, приказалъ Гонту, Залізняка и другихъ, прибывшихъ съ ними, сейчасъ-же заковать крѣпко-на-крѣпко въ кандалы. Остолбѣли Залізнякъ съ Гонтой, а подскочившіе Донцы прежде всего вставили имъ обоимъ замки въ ротъ, чтобъ они не произвели никакого шума и замѣшательства; потомъ, сильно ударя ихъ по лицу, оковали обоихъ желѣзными цѣпами. Посаженные въ одно мѣсто, они, качая другъ къ другу головами, оплакивали свою судьбу: приготовивъ ее себѣ вмѣстѣ, вмѣстѣ о ней и сожалѣли.

Когда это происходило съ Гонтою и Залізнякомъ, остальные Донцы съ карабинерами окружили между-тѣмъ со всѣхъ сторонъ лагерь. Это еще не встревожило сволочи, считавшей ихъ своими друзьями, но когда со всѣхъ сторонъ раздались восклицанія, чтобы она тотчасъ положила оружіе, тогда осаулъ Хома, крикнувъ «измѣна», первый бросился къ оружію и убилъ нѣсколькихъ Донцовъ, но окруженный другими Донцами, вскорѣ и самъ былъ убитъ. Бросились было защищаться и другіе, но пораженные внезапнымъ страхомъ и обезсиленные пьянствомъ, не имѣя предводителей, принуждены были положить оружіе; прочіе-же, которыхъ было гораздо больше, спали пьяные и даже не знали о своей гибели. Имѣя въ готовности довольно веревокъ и колодокъ, Москали приказали мужикамъ, согнаннымъ нарочно изъ имѣнія Городецкаго, близкаго къ Уманю, вязать и набивать колодки; такъ какъ это происходило ночью, то многіе убѣгали, выползая на животахъ подъ лошадьми, но и изъ нихъ многихъ потомъ поймали. Когда веревокъ и колодокъ не достало для такого множества негодяевъ, остальныхъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ и безоружныхъ, карабинеры продержали до утра на мѣстѣ подъ крѣпкимъ карауломъ, а на другой день побросали въ ямы и подвалы. Сначала отобрали лошадей, оружіе, амунисию и всю добычу и доставили къ Русскому полковнику, по фамиліи Нолькину, который прибылъ съ карабинерами. Потомъ приводили къ нему по нѣсколько разбойниковъ, и Задѣйрянцевъ записывали на од-

номъ спискѣ, а на другомъ, со всеми приличными подробностями, Украинцевъ. Всѣхъ обдирали до нитки. Наконецъ, Зализнякъ, со всеми заднѣпровскими товарищами и всею захваченною добычей, былъ отосланъ въ Московскую землю, гдѣ онъ былъ сначала высѣченъ кнутомъ у позорнаго столба, а потомъ отведенъ въ Сибирь, куда сослали и вышеупомянутаго Мельхиседека, который однако вскорѣ былъ возвращенъ въ Кіевъ. Остальныхъ негодяевъ наказывали другими, сообразными съ обычаями страны, способами, водя ихъ подлѣ границы Польской. Тѣхъ-же, которые были жителями Польской стороны, отвели въ деревню, называющуюся «Сербы» и лежащую недалеко отъ пограничнаго города Могилева, и отдали Браницкому, обозному, который тамъ стоялъ все время со своею дивизіей. Послѣ допроса, въ той-же деревнѣ, сначала содрали съ Гонты кожу полосами, отрубили ему руки и ноги, вырвали у живого сердце, наконецъ четвертовали. Онъ вынесъ эту казнь такъ-же терпѣливо, какъ и по заслугамъ, приготовившись заранѣе къ смерти самымъ приличнымъ образомъ. Другихъ губили и наказывали разными способами: то отсѣкали головы, то вѣшали, то отрубали лѣвую ногу и правую руку, то драли розгами. Свидѣтелями этой казни были: Каменецъ, Львовъ, Кременецъ, Винница, Житомиръ, Латичевъ и другіе города, гдѣ казнили по семи, пяти и восьми негодяевъ.

Таково событіе 1768 года, такова судьба Украинской черни, которая, сдѣлавшись причиной собственной гибели и гибели столькихъ соотечественниковъ, не мало повредила вскормившему и взлелѣвавшему ее на своемъ лонѣ отечеству и въ томъ отношеніи, что страна потеряла болѣе десятка милліоновъ, такъ-какъ имущество, пріобрѣтенное кровавымъ трудомъ, перешло въ чужія руки.

ПИСЬМА НЕИЗВѢСТНЫХЪ ПОЛЯКОВЪ СЪ ВОЛЫНИ.

(1768)

(Переводъ съ польской рукописи, изъ бібліотеки Оссолинскихъ, во Львовѣ.)

I.

1768 г. іюня 28 дня, изъ Волыни.

За одной некончившейся бѣдою послѣдовала другая, еще болѣе опасная и ужасная: мятежъ крестьянскій внезапно усилился; вездѣ рѣжутъ и убиваютъ шляхту, управителей и всѣхъ католиковъ, также евреевъ и даже униатскихъ поповъ. Это безчеловѣчіе свирѣпствуетъ не только въ самой Умани, куда для спасенія жизни скрылось много шляхты съ женами и дѣтьми, какъ равно и въ Лысянкѣ, гдѣ умерщвлены шесть францискашскихъ монаховъ и губернаторъ, но и въ Титовѣ; гроза приближается даже къ Пякову. Этотъ же мятежъ распространился въ Паволочи и въ окрестностяхъ; начало крестьянскаго волненія становится замѣтно и въ трехъ миляхъ отъ Полоннаго, т. е. въ Любарѣ и Острополѣ, — что еще важнѣе. Здѣсь, по разнымъ трактамъ, проходятъ огромные обозы шляхты и Жидовъ, спасающихъ только одну жизнь; самъ князь Касперъ (Любомирскій), который даже въ Полонномъ, близъ крѣпости, гдѣ находится московскій горнизонъ, не можетъ воздержать и усмирить эту смѣлость крестьянъ, находится въ большомъ смятеніи, не видя средствъ къ предупрежденію приближающагося огромнаго пожара. Одна только надежда — на Московское войско. Слышно, что немедленно имѣли быть командированы (войска) въ Бердичевъ, для гашенія этого огня. Рассказываютъ еще слѣдующія обстоятельства: взявъ въ плѣнъ часть конфедератовъ, въ то время какъ другіе находились въ Барѣ, панъ ловчій (Браницкій) отправился въ Баръ, 16-го настоящаго мѣсяца. Онъ приблизился къ городу не съ цѣлью атаковать, а только съ желаніемъ привлечь къ себѣ *компутовихъ*; но когда изъ города начали стрѣлять по немъ изъ пушекъ, отступилъ къ Деражни, безъ малѣйшей потери въ людяхъ; ког-

да же генералъ Апраксинъ прибылъ къ Бару со своей командой, 17-го настоящаго мѣсяца, а 20-го на разсвѣтѣ началъ атаку, и когда, съ другой стороны, уланы живо принялись рубить сваи зѣмка, городъ и замкъ были взяты въ самое короткое время, какъ говорятъ, въ полчаса. У городскихъ воротъ, откуда *Москва* начала атаку, помѣщенъ былъ Мѣндыборжскій гарнизонъ, который защищался мужественно, и оттого потерялъ людей болѣе, чѣмъ другіе. Вообще, всѣхъ убитыхъ и раненныхъ между конфедератами считаютъ около тысячи (1); *Москвы* тоже довольно: у самихъ воротъ, при входѣ, 82 офицера и много раненныхъ. Конфедератами командовалъ тамъ Звиногородскій мечникъ, панъ Барщевскій. Жители города подверглись грабежу; убито было нѣсколько евреевъ. Ксендзъ Маркъ, Кармелитскаго ордена, арестованъ.

Изъ компутовыхъ, украинскій отрядъ находился въ Барѣ; другіе въ то время стояли въ Могилевѣ; иные отправлены были къ Саврани и Умани. Правда, староста Варецкій велъ компутовыхъ въ Баръ чрезъ Шаргородъ, но какъ скоро велѣлъ имъ отправиться изъ Шаргорода въ Баръ, а самъ межъ-тѣмъ хотѣлъ возвратиться въ Могилевъ, то и они, увидя это и подозрѣвая уже своего маршала, тоже воротились за нимъ въ Могилевъ. Затѣмъ, онъ живо поспѣшилъ къ Днѣстру и, не теряя времени, переправился вслѣдъ, за п. Литовскимъ подчасимъ, на другую сторону, въ Валахію. Многіе, какъ паны Винницкій подестолій Ярошинскій и Трехтымировскій староста Щенѣвскій съ женами, и много иныхъ помѣщиковъ, тамъ же, подъ Сорокой, переѣхали еще раньше. Дворовые люди, въ особенности козаччина, одни послѣ пораженія подъ Браталовкой, а другіе узнавъ объ этомъ пораженіи, разсыпались въ разныя стороны. Впрочемъ, часть войска еще оставалась подъ Могилѣвомъ. Но, говорятъ, что когда *Москва* направилась къ Могилеву отъ Бара, этотъ конфедератскій отрядъ двинулся отъ Могилева къ Днѣстру, мимо Цекиновки и Ражкова, желая, вѣроятно, направить свой путь въ Татарскіе предѣлы, по тому же берегу (такъ-какъ переправа черезъ Днѣстръ, со стороны Валахіи, военнымъ была воспрещена); но, полагая, что входъ военнымъ Валахія воспрещала по повелѣнію Порты, нужно заключать, что и у Татаръ встрѣтилось бы тоже самое затрудненіе; и потому можно думать, что это компутовое войско, не имѣя ни вожда ни пособія, могло склонить-

(1) Въ Барѣ погибло не болѣе 80 конфедератовъ и много взято въ плѣнъ, вслѣдствіе измѣны сына кастеляна Гизыцкаго; *Москвы* погибло тамъ до 700 человекъ.

ся подъ команду короннаго-ловчаго. Даже говорятъ, будто примиреніе дѣйствительно уже послѣдовало, и если такъ въ самомъ дѣлѣ, то желательно было бы, чтобы теперь компутовое войско, находясь въ повиновеніи у военной комиссіи и назначеннаго региментаря, съ помощью Россійскаго войска, отправилось для усмиренія крестьянскаго волненія; хорошо было бы также, чтобы тѣ изъ пановъ, принадлежащихъ къ конфедераціи, которые разбѣжались и которые, бывъ взяты Москвой, уволены, — соединились и разомъ двинулись на усмиреніе мятежниковъ, потому-что разъяренные крестьяне, собравъ свои силы, пожалуй, не станутъ слушаться и этой части Россійскаго войска. Слышно было здѣсь о неудовольствіи Малороссійскихъ помѣщиковъ и Січовыхъ козаковъ; еслибы имъ вздумалось возстать вмѣстѣ съ украинскими крестьянами, возстаніе это было бы опасно самой Россіи: освободившись изъ-подъ власти, они могли бы основать какую-нибудь удѣльную область и держаться такъ, какъ и теперь, когда даже сами Поляки, при настоящемъ своемъ положеніи, не въ состояніи усмирить крестьянское волненіе. Въ Полонное приведены сынъ старосты Варецкаго, Звиногородскій подчашій Ортинскій и ротмистръ Кіевского ополченія Каменскій, и содержатся подъ секретнымъ арестомъ.

Всякій, кто попалъ въ конфедерацію поневолѣ, освобождается за порукою и квитанціями заинтересованныхъ лицъ. Теперь весь *Русскій* и *Волинскій* край находятся въ большемъ смятеніи, видя и въ тамошнемъ крестьянскомъ сословіи склонность и порывы къ волненію, тѣмъ болѣе, что край этотъ остался почти безъ войска.

Конфедератовъ можно еще здѣсь встрѣтить въ окрестности Бродъ; ихъ преслѣдуетъ Москва; но подъ именемъ конфедератовъ является здѣсь много разной сволочи. Нѣсколько дней тому назадъ, сволочь эта убила, подъ Муравицей, отправлявшагося на подводѣ москаля; проѣзды оказываются также опасными и для помѣщиковъ, и Богу извѣстно, что будетъ дальше, если огонь этотъ не будетъ погашенъ въ самомъ его началѣ.

П. Литовскій-подчашій опасно боленъ, при смерти, на той сторонѣ Днѣстра (*притисано*: по милости Божіей здоровъ).

Г. Воронича съ женой, еще до атаки Бара, видѣли за Шаргородомъ по направленію къ Могилеву; отсюда не только конфедераты, но и помѣщики переѣхали съ своимъ имуществомъ за Днѣстръ.

II.

1768 г. іюня 28 дня, изъ другой мѣстности Волыни.

Лучше бы мнѣ не быть первымъ вѣстникомъ этихъ бѣдствій, если мои вѣсти будутъ первыми. Сердце твое, преданное дѣлу вѣры и свободы, такъ же какъ и мое, содрогнется, когда ты узнаешь, что надежда наша пала и что ея паденіе повлечетъ за собой гибель нашей вѣры и свободы.

Бѣдствія начались съ Бердичева. Когда Бердичевъ лишился помощи шедшихъ къ нему на защиту, и крѣпость эта была взята (о чемъ я уже писалъ прежде), Москва двинулась всей силой къ Бару. Узнавъ объ этомъ, главные лица стали думать о своемъ спасеніи и, оставивъ въ Барѣ Барщевского, разѣхались къ Могилеву подъ предлогомъ — собрать въ одно мѣсто войско. Варецкій прибылъ въ Шаргородъ для найма компутовыхъ; послушались и двинулись къ Бару, но когда замѣтили, что онъ самъ повернулъ на Могилевскій трактъ, то и они воротились за нимъ; между-тѣмъ, къ Бару подступилъ Браницкій, но когда начали противъ него стрѣлять изъ пушекъ, ретировался; но какъ скоро прибылъ Апраксинъ, то на Баръ они ударили вмѣстѣ и разрушили ворота, которыми многихъ убили своимъ паденіемъ. Затѣмъ, съ большою силою бросились на штурмъ; несчастный Баръ защищался; но тѣ ворвались одинъ за другимъ и запершихся въ замкѣ взяли насильно. Нашихъ погибло до 500, столько же взято въ плѣнъ. Съ Барщевскимъ при грабежѣ умерщвлено много народа; монастырь уцѣлѣлъ; только Маркъ арестованъ. Наши изъ Могилева хотѣли (*отправиться*) за границу, но ихъ не пустили; несчастные обратились на Егорликъ и Цекиновку, къ Татарщинѣ, но сомнительно, найдутъ ли и тамъ убѣжище. Москва между-тѣмъ ихъ не оставляетъ. Не было тамъ ни австрійцевъ, ни янычаръ, но все-таки мы не вѣрили обѣщанію, данному Портой и напечатанному въ нашихъ газетахъ. Теперь, когда входъ воспрещенъ, мы убѣждаемся, что басурманъ погубилъ насъ, и это потому, что, вѣроятно, получилъ отъ Москвы больше, чѣмъ отъ насъ. Меня удивляетъ, что Бердичевъ былъ въ осадѣ почти три недѣли и Баръ не подалъ ему помощи. Эй, увидишь любезный панъ, что со временемъ въ этомъ дѣлѣ окажется и домашняя измѣна. Помнишь, ты писалъ, что конфедерація эта недолго удержится; не предполагаю, чтобы тотъ, кто писалъ это, способствовалъ измѣнѣ, но только

ее предвидѣлъ. Знаю достоинства старосты Варецкаго, но видно, онъ началъ опрометчиво, на основаніи однихъ только надеждъ; должно быть кто-нибудь такой былъ, что подстрекнулъ его.

Конфедератовъ здѣсь въ Волини находится не малое число; но когда отнято гнѣздо, то ужъ трудно поднять голову, какъ имъ, такъ и Велико-Полянамъ. Браницкій цѣлъ; Стемпковский не взятъ. Насъ только утѣшали; несчастный нашъ Мартынъ, — что онъ теперь думаетъ? Это все за грѣхи наши! Трудно поднять голову противъ воли Господней. Теперь то осмѣютъ и вѣру и свободу, а можетъ быть и насъ на вѣки упокоятъ.

Изъ взятыхъ въ Бердичевѣ привезены въ Полонное ротмистръ Каменскій, молодой Пулавскій, Здановскій; они заключены во флигелѣ, но могутъ гулять по саду.

Страшнѣ всего, что мятежъ крестьянъ все болѣе распространяется; этимъ огнемъ зажены Чернѣховъ, Котельна и Паволочъ; въ Любарѣ уже убитъ раввинъ, а при производствѣ обыска, *списы* были найдены почти у каждаго крестьянина; въ Острополѣ было почти тоже. Князь Касперъ Любомирскій велѣлъ поймать Любарскихъ и Остропольскихъ (*крестьянъ?*); они приведены въ Полонное и будутъ примѣрно наказаны, но это не успокоитъ.

Въ Лысянкѣ захвачены Францисканцы; тамъ повѣшены вмѣстѣ шляхтичъ, ксендзъ, жидъ и собака. Крестьяне волнуются уже и въ этомъ захоlustы. Вотъ въ какомъ мы несчастномъ положеніи! Я бѣжалъ бы прежде Волинскаго регистра, но не могу, по этимъ обстоятельствамъ. Одинъ день можетъ сдѣлать все; нужно обдумывать, какъ спасти свою жизнь. Твой Лаврентій, съ нѣсколькими стами конницы, командированъ на усмиреніе мятежей, но этого недостаточно; впрочемъ, когда онъ узнаетъ, что произошло въ Барѣ, то, вѣроятно, возвратится назадъ.

ДО БРАТІВЪ НА УКРАЇНУ.

Хто менé не знаé —
Самъ себé питаé:
Чи то вéчiръ погасáе,
Чи рáнонь свiтаé?

Хто менé не знаé —
Вiри не дiймаé,
Що старiй дiдъ гóлосъ маé,
Пiдъ кóбзу спiваé.

Ой мовчáвъ я, брáття,
Слóвомъ не озвáвся,
Поки Бáтько укpaїнськiй
Пiснею впивáвся.

Хочъ мовчáвъ устáми,
Спiвáвъ я душéю,
Та боiвся зъ нимъ рiзнийти
Кóбзою моéю.

Настáла годiна,
Що вся Укpaїна
Заридáла по Тарáсу,
Якъ малá дитiна.

Настáла годiна —
Нi однá людiна
Не взяла́ся за банду́ру
Мужицького сiна.

Задзвонiли сiмно
По Укpaїні дзвони.
Вiсить мовчки старосвiцька
Банду́ра въ комóрі.

Ужé жъ на iй стру́ни
Та й пообвисáли,
Голоснiйшi, вимовнiйшi
Ворогi порвáли.

Чп до-віку жъ, брѣття,
Бѣдемо мовчѣти?
Благословіть міні кѣбзу
Німію узѣти!
Підтягну я струни
На гѣлосъ висѣкий, —
Не сумѣй, Тарасе бѣтку,
Въ могілі глѣбѣкій!
Почіплю я, брѣття,
До старіхъ струнъ нові, —
Не докѣзуй, загребѣщий,
Зъ Москві козакѣві!
Нехай гѣрда шляхта
Зъ жалю омлівае,
Що козѣкъ вельмѣжнихъ прѣдківъ
На судъ визивае!
Гірко жъ міні тѣя
Слава довелѣся,
Що рукѣ моѣ знілася,
За кѣбзу взялася!
Ой хто мене сѣдить,
Хто мною гѣрдѣе,
Нехай правду, нехай щіру
Відъ мене почѣе.
Сусіде лукаві,
Загребѣщі рѣки!
Не до сѣду приймаѣ бѣду
Одъ васъ тѣжкі мѣки.
Гѣді вамъ у сѣрце
Сіяти отрѣту!
Я посіавъ по отрѣті
Крутовѣрху рѣту.
Посхѣдила рѣта
Барвінкомъ хрещѣтимъ,
Бѣде сѣрце застпѣлати,
Рѣни закривѣати.

Изъ ранъ, мовъ съ криниці,
Рідне слово ріне...
Розливайся, рідне слово,
По всій Україні!

Нехайъ всяке мліве
Серце стрепенѣтця —
И новою, здоровою
Думою забѣтця.

Росла моя дума
Понадъ берегами,
Де славѣтний Гарибальди
Бівся зъ ворогами.

Цвіла моя дума
Надъ водою тихо,
Де вікъ чесний доживає
Мати-Гоголіха.

Ой ёго жъ то сила
Менѣ звеселила
И співати про святую
Воленьку навчила.

Ой її жъ то серце
Тіхе-голубине
Менѣ вчило тихесенько
Плакати по Україні.

»Цвіте мій«, мовляла,
»Холодомъ прибитий!
Отеперь би тобі, сину,
Треба въ світі жити!

»На рідному полі,
Сину, ти оравъ би,
Рідну сѣмью ти насущнимъ
Теперь годувавъ би.«

Ой шкода намъ, мати,
Про те сумувати,
Що сусіде загарибали
Изъ рідної хати.

Нехай изъ чужого
Хліба розживу́тця;
Въ насъ на нивахъ но́ві жні́ва,
Дастъ Господь, начну́тця.

Ой урóдить жи́то —
Бúде всяке сíте;
Заведба́емъ, щó заб́рано,
Хо́лодомъ побíто.

Порóжні засі́ки
Га́рно налашту́емъ,
Ще й сусíдь своїхъ насу́шнимъ
Хлібомъ нагоду́емъ.

Хай Німець сміетця
Зъ на́шого зви́чаю,
Що ми спра́вді хлі́бомъ-сі́ллю
Во́рога кара́емъ. (¹)

Ой тимъ ми на сві́ті
Зда́вна держимóся,
Що втеря́ти тільки пра́вду
Одну́ боiмóся.

Процвіта́є цві́томъ
Да́вня ру́їна:
Пере́ходить свята́ пра́вді
Вiдъ ба́тька до си́на.

Пра́вдо, на́ша ма́ти!
По́ки ще жива́ ти,
По́ти бу́демъ навкругъ ха́ти
Сво́є жи́то жа́ти.

П. Кулішъ.

(¹) Есть пословица: *Во́рога хлі́бомъ та сі́ллю кара́й.*

РУССКІЙ ПАТРИОТИЗМЪ (*)

(Отвѣтъ »Дню.«)

Заглавіе нашей статьи взято изъ критики, помѣщенной во 2 № *Дня* на статью *Современника*: «Національная Безтактность.»

Слова «Русскій патриотизмъ» имѣютъ свою исторію, и было бы поучительно прослѣдить самый процессъ ихъ образованія и всѣ видоизмѣненія, выработанныя общественной и литературной практикой, съ того времени, когда старая Русь въ первый разъ вступила въ борьбу съ иноземной Русью, до нашихъ дней, когда тупое, пассивное отрицаніе чужого перешло-было въ дѣйствующій, сознанный, принципъ. Но такъ-какъ этотъ трудъ былъ бы только предисловіемъ къ нашей статьѣ, то намъ показалось, сообразите съ нашей цѣлью, опираясь на историческое самосознаніе Русскаго общества, опредѣлить, на-сколько партія, дѣйствующая подъ знаменемъ «Русскаго патриотизма,» способна понять современную дѣйствительность, на-сколько она имѣетъ живого практическаго смысла.

Для нашей цѣли достаточно обсудить тѣ воззрѣнія на Малорусскую литературу, которыя высказаны въ статьѣ *Дня*, направленной противъ *Современника*, устраняя отъ себя вопросъ о Русинской литературѣ, по поводу которой собственно и возникъ споръ между *Современникомъ* и *Днемъ*, и не касаясь, съ другой стороны, тѣхъ началъ, которыхъ придерживается *День* въ международныхъ, славянскихъ, отношеніяхъ.

(*) Къ этой, живо-почувствованной и задуманной статьѣ молодого ученаго, такъ и просится эпитафюмъ слѣдующее, вполне-вѣрное, замѣчаніе П. С. Аксакова, (*День*, № 21), напечатавшаго статью г. Соковенка!!

»Существенное въ народности—не внѣшніе признаки внѣшняго различія, а самыя внутреннія духовныя начала, безъ сознанія которыхъ невозможно возрожденіе.«

На совѣты, которые, въ нынѣшнее время, слышатся только изъ *Дня*, да еще, пожалуй, изъ *Р. Инвалида* и *Библиотеки для Чтенія*,—тоже инвалида,—Шевченко нѣкогда отвѣчалъ:

...А за раду... спасібі вамъ—
За раду лукаву:
Тѣплий кожухъ!—тільки нкѣла—
Не на мене шитий,

А розумне ваше слово
Брехнею підбите...
...Буде зъ мене, поки живу,
И мѣртваго слова!.. Ред.

Но прежде чѣмъ мы высказали свое мнѣніе о Русскомъ патріотизмѣ, пусть самъ г. Ламанскій, авторъ разбираемой нами статьи, говорить за себя. Онъ изъясняется въ любви и уваженіи къ Малоруссамъ, но продолжаетъ: «мы не вѣримъ искренности нашихъ земляковъ, когда они толкуютъ о большей преданности и симпатіи къ Малоруссамъ, нежели къ Москалямъ. Разумѣется—и на-оборотъ. Чтобы слова тѣхъ и другихъ были искренни въ этомъ случаѣ, надо, чтобъ Москаль обратился въ Малорусса, и на оборотъ. Своя народность всякому ближе, понятнѣе, симпатичнѣе.» Чрезъ нѣсколько строкъ, онъ, «говоря откровенно, не понимаетъ значенія словъ Малорусскій и Великорусскій патріотизмъ, и допускаетъ только *Русскій патріотизмъ.*»

Сопоставляя эти двѣ мысли, можно подумать, что авторъ, какъ русскій человѣкъ, по пословицѣ, заднимъ умомъ крѣпокъ. Онъ стоитъ за Русскій патріотизмъ, и вмѣстѣ не отрицаетъ того глубокаго чувства народности, которое не истребимо такъ же, какъ невозможенъ фактъ двукратнаго рожденія. Итакъ, по одну сторону мы имѣемъ двѣ народныя стихіи—Великорусскую и Малорусскую, по другую — Русскій патріотизмъ, чуждый народной исключительности, и въ тоже время мирно процвѣтающій рядомъ съ чувствомъ своенародности. Но если г. Ламанскій не хочетъ самъ себя противорѣчить, то онъ долженъ ввести въ идею Русскаго патріотизма равновѣсіе народностей, потому-что существованіе своенародности, какъ отрицаніе общенародности, не безопасно для Русскаго патріотизма, въ которомъ не должно быть преобладанія отдѣльной народности. Онъ долженъ избѣгать симпатій къ одной народности, — иначе мы въ правѣ назвать Русскій патріотизмъ фальшивой декорацией, теоретическимъ издѣліемъ отечественной мануфактуры. Посмотримъ, на сколько г. Ламанскій вѣренъ себѣ, на сколько онъ выдерживаетъ это законное требованіе?

Намъ казалось, судя по вышеприведенной выпискѣ, что г. Ламанскій считаетъ Малорусскій патріотизмъ въ Москаль невѣроятнымъ и лживымъ фактомъ. Но выходитъ не то. Онъ опровергаетъ автора «Национальной Безтактности,» въ томъ, будто «иноплеменникъ становится Малорусскимъ патріотомъ, если хоть сколько-нибудь поживетъ въ Малороссіи,» допуская, однакожъ, Малорусскій патріотизмъ иноплеменника, какъ явленіе случайное, и вооружаясь только противъ всеобщности его. А такъ-какъ случай и исключеніе доказываютъ возможность

и вѣроятность факта, то оказывается, что г. Ламанскій говорить самъ противъ себя.

Впрочемъ, это не мѣшаетъ ему такъ группировать факты, чтобы можно было догадаться о крайней безпомощности Малорусскаго народа. Онъ говоритъ: «не упоминая уже объ ополченіи множества Малорусскихъ семействъ, укажемъ только на ближайшихъ ихъ соплеменниковъ—Великороссіянь и Поляковъ, которые по-долгу живутъ въ Малороссіи, отнюдь не теряя своей народности. Таковы слободы нашихъ раскольниковъ въ Черниговской губерніи. Такъ издавна живутъ въ Малороссіи не сотни, а тысячи Поляковъ, и не только не обращаются въ Малорусскихъ патріотовъ, но даже стараются ополчить Малоруссовъ.» Все это такъ. Но нарушается ли цѣлость народныхъ элементовъ отъ того, что личности отрываются отъ народной почвы, и притомъ въ то время, когда въ самомъ народѣ присутствуетъ живое сознаніе народности—оппозиція противъ народнаго прозелитизма? Мы знаемъ, что многіе изъ Русскихъ по-происхожденію съ трудомъ объясняются по-русски, и что существуютъ цѣлыя тысячи офранцузенныхъ Русскихъ, которые развѣ потому только не французы, что Русскіе подданные. Чтѣ же отсюда слѣдуетъ? Только то, что эти нѣкоторые Русскіе выросли въ особенной, тепличной атмосферѣ, а не то, что весь народъ Русскій теряетъ въ этихъ прозелитахъ какія-нибудь существенныя черты своей народности. И потомъ, чтѣ удивительнаго, если раскольники и Поляки не смѣшиваются съ Малоруссами, которымъ одинаково чуждъ и религиозно-обрядовый фанатизмъ первыхъ и національная исключительность послѣднихъ? Поляки столько же, если не меньше, дѣлаются Русскими, сколько Малоруссами, и это не доказываетъ безсилія Русской націи, которая разлагаетъ даже Татарскую народность, не говоря уже о Нѣмецкой, противъ которой не могутъ устоять въ Пруссіи сами Поляки. Наконецъ, если нѣкоторые Малоруссы ополчались у себя дома, то другіе столько же дѣлаются Русскими въ Воронежской губерніи, сколько послѣдніе первыми, и даже советамъ не русьютъ въ Саратовской и Оренбургской губерніяхъ, какъ о томъ заявлено въ сентябрьской книжкѣ *Основы*,—а это-вовсе не такой фактъ, чтобы можно было заключать о податливости Малорусской натуры къ уступкѣ своей народности, если только она не подвергается преднамѣренному и систематическому извращенію.

Но мы бы очень ошиблись, еслибы вообразили, что г. Ламанскій, сознавъ неустойчивость Малорусской народности, оставляетъ ее на про-

изволь судьбы въ борьбѣ съ Поляками. Онъ великодушно даетъ ей оружіе, выкованное, впрочемъ, не въ Малороссіи. «Въ настоящее время,» говоритъ онъ, «когда для Малой и Великой Руси, обоюдными ихъ усиліями, выработанъ одинъ общій литературный языкъ, Русская литература и образованность, при всей своей недостаточности, все-таки богаче и серьезнѣе Польской. Притомъ же, Малороссіяне значительно многочисленнѣе Поляковъ, между-тѣмъ какъ борьба Поляковъ въ Пруссіи ведется съ могучею національностью, обладающею такими богатствами и сокровищами литературы и образованности, какихъ не имѣютъ не только Поляки но и всѣ Славянскіе народы въ-совокупности. Сверхъ того, въ борьбѣ своей съ Нѣмцами, не опираются, не рассчитываютъ Поляки на помощь какого-нибудь соплеменнаго имъ народа.» Здѣсь вѣтеръ крѣпче, и уже можно различать, откуда онъ дуетъ... Желательно было бы знать, на какую это помощь соплеменнаго народа *сверхъ того* могутъ рассчитывать Малоруссы въ общественной, а не политической, борьбѣ съ Поляками, кромѣ той моральной поддержки, которую, по увѣренію г. Ламанскаго, даетъ имъ Русскій народъ въ своемъ языкѣ и образованности? И затѣмъ, неужели, кромѣ численнаго перевѣса надъ Поляками, Малоруссы сами-по-себѣ не имѣютъ своихъ духовныхъ средствъ для борьбы съ ними, и всегда съ надеждой и умиленіемъ должны обращать свои взоры туда, гдѣ приготавливаются для нихъ силы и орудія издателями Русскихъ газетъ и журналовъ, гдѣ существуетъ Русская литература — арсеналъ готовыхъ понятій и готового языка, дружелюбно для нихъ открытый?

Мы не предаемся простодушно лживымъ утѣшеніямъ: мы думаемъ, что для Малорусскаго народа борьба съ Поляками труднѣе, чѣмъ для послѣднихъ борьба съ Нѣмцами. Нѣмцы (Пруссіе) преимущественно дѣйствуютъ общечеловѣческимъ вліяніемъ, которое не поглощаетъ народности, если только она не вывѣтривается въ подражательности, въ погонѣ за чужимъ, безъ внутренняго усвоенія и переработки, — тогда какъ Польская пропаганда идетъ глубже — внутри племенныхъ отношеній. Всѣ богатства нѣмецкой науки и образованности — чужія деньги въ чужомъ карманѣ: ихъ нужно заработать, — между тѣмъ Польская рѣчь сама просится въ Малорусскій словарь, Польскія понятія скрытно пробираются въ Малорусскую жизнь, сколько по праву общеславянскаго происхожденія этихъ народовъ, столько же въ слѣдствіе систематической полонизаціи Малорусскаго края. Чѣмъ больше одна народность различается отъ другой, тѣмъ легче каждой изъ

нихъ удержать свои черты, тѣмъ труднѣе стереться ихъ народному образу. Нѣмца легко различить отъ Славянина, но труднѣе послѣднему различить себя отъ своего собрата.—Тѣмъ не менѣе, мы убѣждены, что Малорусскій народъ самъ въ себѣ долженъ искать опоры въ тѣхъ случаяхъ, когда посягають на его народную личность, что его языкъ и литература—историческій органъ его личности—единственно—прочная сила, на которую онъ можетъ рассчитывать, и что готовые формы, взятые извнѣ, на—прокатъ, навязанныя сверху, и потому не сплоченныя органически съ его духовной натурой, такъ-же неудобны для цѣлости ея, какъ и Польская пропаганда, подтачивающая корни ея снизу.

Но Малорусскій языкъ—языкъ сель, а не цивилизованныхъ городовъ, Малорусская литература—созданіе народного духа, а не литературнаго цеха... Не правда ли, какая странная претензія—заявлять ея права на самостоятельность? Что это за литература, когда ее всю можно взять подъ мышку? И не потому ли только Малорусскій языкъ—не Русскій, что онъ—провинціальный языкъ? Какъ ни странны эти мнѣнія, но онѣ только варіаціи мыслей, изложенныхъ въ статьѣ г. Ламанскаго,—варіаціи, повторяемыя на разные тоны даже въ обзорѣ въ Русскомъ обществѣ.

«Мысль о возможности особой Малорусской литературы (а не мѣстной словесности) представляется намъ величайшей нелѣпостью...» А впрочемъ «Русины, подобно нашимъ Малоруссамъ, могутъ обрабатывать свой языкъ литературнымъ образомъ,» и слѣдовательно—«возможна и полезна особая *Малорусская словесность* рядомъ съ русской литературой, Русской наукой и образованностью,» говоритъ г. Ламанскій, —полезна «для домашняго обихода,» дополняетъ самъ редакторъ *Дня*, г. Аксаковъ, въ примѣчаніи.

Нельзя высказаться съ болѣею наивною и безцеремонною и вмѣстѣ съ большимъ отсутствіемъ — логики. Малорусская литература разжалована въ мѣстную словесность. Что жъ это за мѣстная словесность, какъ не особая литература? И допуская литературную обработку Малорусскаго языка, не значить ли допускать особую Малорусскую литературу? Такая спутанность понятій объясняется неловкимъ положеніемъ г. Ламанскаго между очевидностію факта (отсюда эти робкія слова «возможна,» «полезна,» и нудящею потребностію дать мѣсто своей теоріи. *Охота смертная, да участь горькая.*.) Но всего забавнѣе этотъ шутовской взглядъ на народную литературу, на-

поминающій намъ того Тургеневскаго героя, который былъ убѣжденъ, что всѣ душевныя потребности Малорусса можно выразить словами: »граѣ-граѣ, воропаѣ.« Много ли, въ самомъ дѣлѣ, различаются слова »для домашняго обихода« отъ »воропаѣ,«—конечно относительно тона и смысла тѣхъ и другихъ? Глубоко возмущаетъ душу этотъ легкомысленный приговоръ, въ которомъ крайнее неуваженіе къ народу безобразно соединяется съ барскимъ непониманіемъ его силъ, естественности самостоятельнаго развитія—этого единственнаго условія, при которомъ только и возможно народу переступить за черту домашнихъ потребностей—съ правомъ личнаго участія въ общей жизни и вліянія на ея ходъ.

Языкъ науки не сразу создается, точно такъ же, какъ и языкъ литературы; но послѣдній упреждаетъ своимъ появленіемъ первый. Сперва—жизнь, а потомъ сознаніе прожитого. Этому закону подчинялись Европейскіе языки, богатые литературой и наукой. Еще въ прошломъ столѣтіи, въ Германіи, классической странѣ науки, латынь господствовала въ школахъ: такъ—недавно передовой народъ мысли создалъ національный органъ ея. Не то было въ Россіи. Не имѣя науки, здѣсь еще въ прошломъ столѣтіи, на живую руку и по заказу, сколотили языкъ науки и нарядились въ него, какъ въ павлиньи перья. Отсюда этотъ рѣзкій историческій контрастъ: тяжелые и медленные шаги Нѣмца и быстрые скачки Русскаго человѣка, склоннаго къ похвальнымъ отзывамъ о собственныхъ успѣхахъ. Смысль Русской исторіи таковъ, что еще въ оны дни, вмѣстѣ съ церковно-славянскимъ языкомъ, перешли на нашу туземную почву готовыя понятія и съ того времени началось раздвоеніе русскаго сознанія, религіозное и общественное реформой Петра, и доселѣ-продолжающееся. Кто изъ мыслящихъ Русскихъ людей не замѣчалъ въ себѣ этаго раздвоенія? Мы знаемъ, что червь раздвоенія и даже разстроенія проточилъ насквозь и тѣхъ крѣпкихъ людей, которыхъ у насъ принято называть славянофилами; знаемъ, что они, подъ знаменемъ общеславянскихъ интересовъ (одинъ элементъ), сохраняютъ преобладающія симпатіи къ Велико-русскому народу (другой элементъ)—симпатіи, выражаемыя тѣмъ торжественнымъ тономъ, который приличествуетъ надутому риторическому пафосу, а не прямому, практическому пониманію жизни (третій элементъ). Но какъ-только мы сознали историческое зло, то оно перестаетъ быть для насъ слѣпной судьбой, и мы должны овладѣть собой для борьбы съ нимъ. Странно, а такъ выходитъ, что—въ наше вре-

мя—сторонники двоевѣрія—люди, вышедшіе изъ школы Кирѣевского и Хомякова, философствовавшихъ о непосредственности и цѣльности русской природы. Съ проповѣдью о любви къ народу, они хотѣтъ тянуть его на тѣ подмостки, на которыя сами успѣли взобраться, а то, что онъ говорить про себя, они принимаютъ только къ свѣдѣнію. Пусть говорить себѣ—«для домашняго обихода». И зачѣмъ ему своя особая литература, когда у него нѣтъ даже грамматики? Мы, люди образованные, имѣемъ ее: намъ литература къ лицу, а съ него довольно и мѣстной словесности!..

Мы говоримъ о Малорусскомъ народѣ, какъ половинѣ одного Русскаго племени и неисключаемъ его изъ общерусской исторіи, хотя и не сливаемъ, подобно г. Ламанскому, его прошедшую жизнь съ жизнью великорусскаго народа до того безразличія, чтобы считать русскій литературный языкъ въ одинаковой мѣрѣ достояніемъ Великоруссовъ и Малоруссовъ. *Suum cuique*. Всѣ мы хорошо знаемъ, что съ Ломоносова началась свѣтская литература въ Россіи, и хотя онъ оставилъ стихи церковно-славянскаго языка для парадныхъ случаевъ, для высокаго штиля, но уже это слово *штиль* показываетъ, что съ его времени, и даже раньше, начали вторгаться въ образованную Русскую рѣчь иностранныя слова; съ другой стороны, и самъ Ломоносовъ принялъ Московское нарѣчіе, и только вооружался противъ такъ называемыхъ *подлыхъ* словъ, долженствовавшихъ, по его теоріи, остаться безъ употребленія,—знаемъ, что въ слѣдствіе особеннаго характера реформъ въ XVIII ст., касавшихся по-преимуществу государства и высшихъ сословій, литература того времени на-столько была народной, на-сколько могло сохранить народность общество, захваченное крутыми реформами, наводненное приливомъ чуждыхъ элементовъ. Народу, недавно только тронутому реформой, Русская Литература и до сихъ поръ почти *terra ignota*; но все же Великорусскій народъ, среди котораго совершилась реформа древняго книжнаго языка, изъ котораго вышелъ отецъ Русской литературы, находится въ болѣе прямыхъ отношеніяхъ къ ней, чѣмъ Малоруссы, издавна говорившіе на своемъ собственномъ языкѣ и не внесшіе народныхъ элементовъ своей рѣчи въ составъ русскаго литературнаго языка. А надъ чѣмъ они *непосредственно* не трудились, того и не хотѣтъ считать своею *прямою* собственностію, и потому замѣчаніе г. Ламанскаго, что «отказавшіеся отъ Великорусскаго языка, который въ основѣ своей одинаково принадлежитъ и Малоруссамъ, они бы отказались отъ значительной части

своего прошедшаго, своей исторіи»,—само собою ограничивается тѣмъ обстоятельствомъ, что Великорусскій языкъ—и народный и литературный, не есть ближайшій и прямой органъ Малоруссовъ.

Что касается до самой исторіи, то г. Ламанскій начинаетъ ее издалека,—потому что «Русскій литературный языкъ», говоритъ онъ, «образованъ не со вчерашняго дня и не Ломоносовымъ.» Онъ ссылается на церковно-славянскій языкъ, какъ такую почву, которая обща и Великорусскому и Малорусскому языкамъ, и изъ которой, между прочимъ, возникъ Русскій литературный языкъ. Мы въ правѣ подумать, что между этимъ послѣднимъ и болгарскимъ, сербскимъ и чешскимъ языками нѣтъ существенно—типическаго различія, потому что всѣ они относятся къ церковно-славянскому языку точно также, какъ и литературный Русскій языкъ.

Мы совершенно согласны съ г. Ламанскимъ, что общность церковно-славянскаго языка для Великоруссовъ и Малоруссовъ — ключъ къ уразумѣнію того факта, что книжный языкъ тѣхъ и другихъ, и послѣ раздѣленія Руси на Великую и Малую, почти одинаковъ. Но былъ ли этотъ книжный языкъ—языкомъ народного сознанія? Спустился ли онъ до народнаго міросозерцанія и слился ли съ народною жизнію въ такой степени, чтобъ быть непосредственнымъ и прямымъ ея выраженіемъ? Нѣтъ, жизнь шла своимъ чередомъ, независимо отъ лѣтописей, отъ этого книжнаго воспроизведенія ея. Языкъ лѣтописей—былъ готовый языкъ. И такъ—какъ, по особеннымъ условіямъ Русской исторіи, народъ мало принималъ участія въ его развитіи, то оно шло, такъ—сказать, на поверхности народной жизни, не обновляясь извнутри ея свѣжими силами, и потому шло въ такомъ направленіи, которое не обѣщало будущности. Языкъ лѣтописей—не самородный языкъ, а принятый, но подвергшійся, въ извѣстной степени, туземному вліянію Русской рѣчи. А если такъ, то совершенно справедливо, что Русскій литературный языкъ образованъ не Ломоносовымъ, т. е. что онъ получилъ условное книжное направленіе до Ломоносова.

Для насъ не столько важно то, какъ думали и говорили книжки о народѣ, а то, какъ самъ народъ думалъ и говорилъ о себѣ. Конечно, памятники нашей старины болѣе или менѣе отражаютъ въ себѣ эпоху, но свѣдѣнія, которыя они сообщаютъ исторіку, никогда не могутъ замѣнить самосознанія народнаго, которое возможно подъ условіемъ самодѣтельнаго народнаго творчества. О народности языка можно судить только по чисто-народнымъ памятни-

камъ. Г. Ламанскій утверждаетъ, что «множество южнорусскихъ сочиненій XVI и XVII в. писаны тѣмъ же языкомъ, какимъ писали въ то время въ Москвѣ, Новгородѣ, Вологдѣ, Поморскихъ городахъ.» Пусть и такъ. Но, именно, это были *сочиненія*, вышедшія изъ головы книжниковъ, а не изъ народнаго сознанія. Справедливо, что «южнорусскіе ученые и писатели, съ конца XVII в. почти до самого Ломоносова, имѣли огромное вліяніе на Русскій языкъ, имѣли, по видимому, всѣ средства образовать Русскій литературный языкъ на Малорусской основѣ». Но если бы они трудились для этой цѣли и не достигли ея—тогда другое дѣло. А то имъ и въ голову не приходило, что существуетъ наука въ школы, что можно учиться у народа. Смотричскій, первый славянскій грамматикъ, написалъ на западно-русскомъ языкѣ предисловіе къ церковно-славянской, а не малорусской, грамматикѣ: сознанія индивидуальности языка не было, и вообще Малорусская образованность XVII и XVIII в. не имѣла прочныхъ корней въ народѣ: въ учебникахъ принято называть ее схоластической. Самъ Ломоносовъ, посѣтившій Кіевскую Академію, не нашелъ въ ея школьной премудрости того, чего искалъ. Поэтому, какъ бы ни велики были услуги Малорусскихъ ученыхъ для Русскаго литературнаго языка, исторически онѣ не обязываютъ Малоруссовъ къ принятію навсегда русскаго языка языкомъ школы и науки. Нельзя сказать, чтобы книжная Малорусская образованность XVII в. была въ всякихъ солидарныхъ отношеніяхъ къ самой жизни народа; но она не была прямымъ и непосредственнымъ выраженіемъ жизни, и вопросы, попадавшіе въ школу изъ жизни, тотчасъ подвергались извѣстнымъ приѣмамъ схоластическаго ума, вносились въ общія готовые категоріи, и затѣмъ уже рѣшались по правиламъ учебника. Безспорно, южнорусскія школы XVII в. защищали религіозные интересы народа, въ то время смѣшанные съ политическими, но защищали далеко не согласно съ простотой и безыскусственностію народнаго воззрѣнія, такъ—что школы походили на присутственные мѣста, въ которыхъ рѣшались дѣла для пользы народа, но безъ всякаго самостоятельнаго участія народной мысли въ самомъ процессѣ рѣшенія. Мы не противъ схоластики того времени; она имѣетъ свою историческую заслугу: и въ непріятельскомъ лагерѣ сражались тѣмъ же оружіемъ. Но дѣло въ томъ, что послѣ того, какъ защита интересовъ народа вручена была школамъ, сами школы не черпали изъ глубины народнаго духа его образовъ и понятій, и не въ укоръ себѣ, выражались такимъ языкомъ,

который, конечно, былъ понятенъ противникамъ и доморощеннымъ начетчикамъ, за то не понятенъ народу. А если южнорусскіе ученые XVII в., по самому складу и направленію своей учености, не были *непосредственными* представителями Малорусскаго народа, то и въ такомъ случаѣ, еслибы они еще до Ломоносова создали Русскій литературный языкъ,—все-таки онъ былъ бы только *посредственнымъ* органомъ для Малоруссовъ и, затѣмъ, самостоятельное существованіе ихъ непосредственнаго органа, ихъ литературы, съ ея прошедшимъ и будущимъ, все-таки было бы законнымъ и неприкосновеннымъ правомъ, ими полученнымъ *отъ природы и ихъ собственной исторіи*. Очевидно, путешествія Кіевскихъ и Виленскихъ ученыхъ въ Москву и дѣятельность ихъ тамъ не есть существенное явленіе эпизодъ Малорусской исторіи, на который можно бы было сослаться въ доказательство того, что Малорусскій народъ участвовалъ своими собственными средствами въ образованіи русскаго литературнаго языка.

Нѣтъ сомнѣнія, что Великорусская и Малорусская народности родственны другъ другу, что между ними дѣйствительно существуетъ взаимное тяготѣніе, доказанное исторіей, но это внутреннее единство всего русскаго племени не исключаетъ народныхъ типовъ, не нарушается существованіемъ у Малоруссовъ особаго языка и особой литературы, и можетъ быть мыслимо совѣмъ не подъ формой quasi—общаго языка, выработаннаго на сѣверѣ, въ Великой Россіи. Всякая попытка ограничить полноправность одной народности есть посягательство теоріи на исторію, теоріи, которая противорѣчитъ сама себѣ, такъ-какъ изъ-за нея выглядываетъ худо-замаскированная народная исключительность. Г. Ламанскій допускаетъ мысль и отрицаетъ выводъ: если есть двѣ Русскія народности, то есть и два Русскіе языка, и должны быть двѣ отдѣльныя и самостоятельныя литературы. Иначе, т. е. съ признаніемъ мысли г. Ламанскаго безъ вывода, произойдетъ такая перестановка понятій: на мѣсто *русскаго патріотизма* будетъ *великорусскій* патріотизмъ. Поэтому, мы считаемъ одинаково фальшивымъ какъ тонъ оракула, въ который впадаетъ г. Ламанскій, утверждая, что Малоруссы никогда не создадутъ языка науки и образованности, такъ и тонъ примирителя, замѣтный въ слѣдующихъ словахъ: «по-нашему, одинаково нелѣпо роптать ли на судьбу и обижаться такимъ выводомъ, (что самостоятельная Малорусская литература немыслима), или гордиться имъ и видѣть въ этомъ обстоятельстве умственное превосходство Великоруссовъ надъ Малороссіянами!»

Такой выводъ существуетъ въ статьѣ г. Ламанскаго, а не въ жизни; поэтому, если и возможны ропотъ Малоруссовъ и гордость Великоруссовъ, то не иначе, какъ подъ условіемъ крайняго невѣжества тѣхъ и другихъ. Вообще—относиться неуважительно къ проявленію самостоятельной народной силы, и тономъ зловѣщей птицы вызывать изъ будущаго ложные страхи,—дѣло недостойное людей, постоянно заявляющихъ въ печати свое уваженіе и любовь ко всякой Славянской народности,—дѣло, впрочемъ, само себя объявляющее искусственной идеей общерусскаго патриотизма и общерусскаго славянства.

Г. Ламанскій думаетъ, что »и въ настоящее время, нарѣчіе Великорусское и Малорусское не отличаются между собою множествомъ важныхъ и рѣзкихъ особенностей. До конца же XIV в., и даже позже, онѣ были незначительны, если не совершенно ничтожны. Такъ было съ живымъ народнымъ языкомъ.« Мы не возражаемъ противъ послѣдней мысли г. Ламанскаго. Точно, чѣмъ дальше въ глубь исторіи, тѣмъ общѣе и неувимѣе образъ народа: онъ теряется въ полумракѣ эпической старины. Нѣтъ ничего страннаго, что до XIV, или лучше до XIII в., т. е. до Татарскаго погрома, языкъ, напр., Кіевского княжества мало различался отъ языка Новгородскаго и Владимірскаго; а раньше, когда жизнь Руси была сосредоточена въ Кіевѣ и великій водный путь по Днѣпру былъ главнымъ русломъ нашей исторіи, нынѣшніе Великорусскій и Малорусскій языки существовали совершенно слитно, какъ въ зернѣ. Не то теперь. Спросите у Великорусскаго простолюдина, какого онъ мнѣнія о хохлѣ? Вотъ онъ странствуетъ по Малороссіи съ Суздальскимъ хламомъ. Онъ пришелъ изъ-за Клязьмы, просвѣщать хохловъ, т. е., какъ онъ выражается, *въ дурацкую землю хльбъ ѣсть*, и съ этой цѣлью распространяетъ въ этой землѣ поучительныя изображенія такихъ событій, какъ мыши kota погребаютъ и т. п. Часто можно видѣть на ярмаркахъ въ Малороссіи Суздальца, внушающаго неразумнымъ *хохмикамъ*, что *»Москва — золотая маковка«* и т. д. Тонъ его высококомѣренъ: это чисто народная черта, напоминающая древнюю Русь, не стертая временемъ и даже образованіемъ, чему живой примѣръ Славянофилы. Но такъ-какъ голова его свободна отъ утопическихъ теорій, то онъ навѣрное вамъ скажетъ, что у *хохла и душа хохлацкая*, что онъ не то-что *нашъ братъ—Орловскій или Володимірскій*, что у него и рѣчь не *распѣйская*.

Говоря это, мы, повидимому, ставимъ противъ себя громадный фактъ, именно тотъ, что Шевченко понятенъ Великорусскому простолюдину, ✓

какъ и Малорусскому. Но неужели, въ самомъ дѣлѣ, Шевченко писалъ на Малорусскомъ языкѣ, а не на Великорусскомъ, по капризу своей природы, а не по внутренней неотразимой необходимости творчества? Почему онъ ничего не спѣлъ намъ

Про Парашу,
Радость нашу,—

и на приглашенія брать сюжеты изъ великорусской жизни и писать Русскимъ литературнымъ языкомъ, отвѣчалъ :

Тѣпльй кожухъ!—тільки шкода—
Не на мене шійтий?

Не ясное ли дѣло, что онъ не хотѣлъ насиловать себя, потому что не хотѣлъ двоиться? Высокое художество всегда искренно, вѣрно жизни: иначе оно не можетъ быть ея воплощеніемъ; иначе оно пустая экзальтація, фальшивая фраза. Слово поэта тогда только проникаетъ нашу душу сладостью и развѣдающей горечью ощущенія, когда само оно есть жизнь. Слова нельзя оторвать отъ жизни. Ея типичность теряетъ свой цвѣтъ и запахъ на чужомъ языкѣ—потому что этотъ послѣдній выработанъ на чужой почвѣ, и имѣетъ другіе соки. Онъ всегда будетъ, относительно чужого понятія, приставкой, не сплоченной съ нимъ органически.

Я на-сторѣжі коло їхъ
Поставлю слово. И поніче
Неначе сто́птана трава
И думка ваша и слова.

(Шевченко.)

Этому закону слитности слова съ жизнью подчинилось и великое слово Шевченка, и велико оно именно тѣмъ, что подчинилось ему. Вотъ тайна того громаднаго вліянія, которое производитъ Шевченко не на Малоруссовъ однихъ, но на всѣхъ, у кого есть живое человѣческое сердце. Онъ воспроизвелъ жизнь Украины въ блескѣ и сіяніи неумирающей красоты, и въ этомъ смыслѣ онъ поэтъ объективный. Но въ тоже время онъ дитя Украины, кость отъ костей ея и плоть отъ плоти ея, и вмѣстѣ отецъ ея словесности. Такимъ образомъ

1) условіе творчества — типъ—и по скольку типична жизнь, по столько возможно творческое ея воспроизведеніе; 2) между творческою силою поэта и типомъ стоитъ слово: оно, съ одной стороны, есть результатъ, выработанный своеобразною жизнью народа, съ другой сто-

роны—наилучшій матеріалъ для воплощенія ея содержанія въ цѣльный поэтическій образъ.

Выводъ очевиденъ: если Шевченко былъ художникъ, а не писатель только Малорусскихъ стиховъ, то необходимымъ условіемъ его художественнаго творчества былъ 1) типъ, вмѣщающій въ себѣ все своеобразное строеніе жизни и 2) такая рѣчь, такое слово, которое было бы необходимымъ атрибутомъ типа и формулировало всѣ оттѣнки и индивидуальныя черты его.

Такой типъ—Малорусская народность; такое слово—Малорусскій языкъ.

Но самостоятельность Малорусскаго языка, опредѣляясь изъ внутреннихъ законовъ поэтическаго творчества, нисколько не нарушается его общедоступностію для Великоруссовъ—образованныхъ и необразованныхъ. Въ лексическомъ составѣ языка нужно различать двѣ стороны: корни его—до-историческое достояніе всѣхъ народностей, составляющихъ одну семью, и флексіи, приставки и пр.—матеріалъ, выработанный исторіей. Отношеніе первой къ послѣдней такое же, какое существуетъ между канвой и рисункомъ. Очевидно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о языкахъ, близко родственныхъ другъ другу, индивидуальность ихъ опредѣляется главнымъ образомъ историческимъ, а не до-историческимъ, элементомъ. Дать преобладающее значеніе этому послѣднему—значить слить два различные языка въ одинъ. Совѣмъ другое дѣло, если лексиконъ языка мы будемъ разсматривать, какъ созданіе исторіи народной, — хотя, конечно, и этотъ взглядъ долженъ быть ограничиваемъ первымъ въ такихъ размѣрахъ, чтобы, не нарушая правъ самостоятельности языка, устранить мечтательное убѣжденіе въ его рѣзкой особенностяхъ, въ его исключительной натурѣ. Часто случается, что матеріальный составъ слова звучитъ совершенно одинаково и въ Великорусскомъ и въ Малорусскомъ языкѣ, но конкретный оттѣнокъ того же слова — такой въ одномъ, другой — въ другомъ языкѣ, и больше того: одно и то же слово заключаетъ въ себѣ два различныхъ представленія въ двухъ различныхъ языкахъ. Таково напр. Малорусское слово »рокъ,« соотвѣтствующее Великорусскому »годъ.« Эпическая связь между ними сразу замѣтна: Славянинъ представлялъ неизмѣнное теченіе времени высшимъ опредѣленіемъ судьбы. Это понятіе и осталось въ Великорусскомъ »рокъ.« Но весь широкій объемъ понятія, по двумъ Русскимъ народностямъ, распался на двѣ части,—такъ-что практическое употребленіе этого слова въ жизни той

и другой народности очень различно. Родственные языки много имѣютъ такихъ общихъ словъ; но не лексическая сторона ихъ составляетъ индивидуальность языка, а вся сумма своеобразныхъ воззрѣній и представлений, усвоенныхъ словомъ, жизнь и исторіей.

Малорусскій языкъ явился на памяти исторіи, и нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторыя индивидуальныя черты его были общи и языку того народа, который впоследствии назвался Великорусскимъ, были общи до того времени, пока Русь не распалась на двѣ половины—каждая съ своей особой исторической судьбой, и съ этого времени эти черты начали обозначаться рѣзче и рѣзче по настоящему вызову исторіи. И такъ—какъ Малорусскій языкъ, кромѣ до-исторической почвы, имѣетъ съ Великорусскимъ и историческую общую почву, и притомъ въ размѣрѣ нѣсколькихъ столѣтій, то, очевидно, этотъ фактъ только усложняетъ трудъ разграниченія двухъ языковъ, но не устраняетъ его. Конечно, если бы исторія была безъ перерывовъ и крутыхъ поворотовъ, мысль о народныхъ типахъ внутри одной племенной семьи, была бы пустой мечтой, чуждой логическаго и практическаго смысла. Но на зло всѣмъ проектированнымъ началамъ и воззрѣніямъ существуютъ эти типы...

И вотъ предъ нами живая исторія—истинно—народная, Украинская поэзія Шевченка...

Но народный языкъ г. Ламанскій прямо называетъ французскимъ *patois*, т. е. провинциализмомъ. Непостижимо странно въ взглядъ привилегированной образованности на народный языкъ въ наше время, когда не замерли еще послѣдніе звуки поэзіи Шевченка, когда въ этомъ *patois* великій поэтъ открылъ глубину своеобразной силы, и такимъ образомъ возстановилъ народную личность, упрочивъ ей навсегда свободный и самостоятельный органъ въ языкѣ, на которомъ самъ писалъ. Языкъ—свободный органъ духа: онъ чуждъ аристократизма и всякихъ условныхъ рубрикъ, придуманныхъ цивилизаторами. Его полнота — должна быть полнотой жизни, безотносительно къ кастамъ и раздѣленіямъ, въ ней существующимъ. Поэтому, для насъ одинаково смѣшонъ, какъ шляхетскій гоноръ Поляковъ, обзывающихъ Малорусскій языкъ *хлопской мовой*, такъ и вельможная деликатность Великоруссовъ, употребляющихъ для этой цѣли французское выраженіе, и утверждающихъ, что Малорусскій языкъ навсегда останется языкомъ простонародья, а не школы и образованности. Но не ужъ-то, въ самомъ дѣлѣ, Русскій языкъ имѣетъ монополию быть органомъ на-

уки, проводникомъ образованности? Неужьто Малорусскій языкъ, потому только, что ближе къ сердцу народа—»на этомъ только и основывается вся законность литературнаго Малорусскаго нарѣчія,» говорить г. Ламанскій, не лишень этого жалкаго, какъ будто выпрошеннаго, права существованія? Не—ужь—то, кромѣ этого права, у него нѣтъ полнаго права гражданства въ семьѣ Славянскихъ языковъ, утвержденнаго свидѣтельствомъ фактовъ неотразимыхъ?

На всѣ эти вопросы отвѣчаетъ общеславянская, общерусская и, въ тоже время, строго Малорусская поэзія Шевченка. Она результатъ прошедшаго и свидѣтельство настоящаго. И то далекое прошедшее, въ которомъ историкъ ничего не различаетъ, кромѣ темныхъ очертаній, когда Малорусская народность еще не выдѣлилась изъ общаго Славянскаго рода, и то прошедшее, когда она, слитно съ Великорусскою, является однимъ видомъ,—и то, наконецъ, когда она, силою исторіи, обособляется, какъ отдѣльный видъ,—все это вошло въ поэзію Шевченка, какъ въ одинъ общій и широкій потокъ. Она вводитъ Малорусскую народность въ семью Славянскихъ народовъ, какъ индивидуальное цѣлое, какъ живую личность,—личность, слѣдовательно, типически-различающуюся и отъ Польскаго народа и отъ Великорусскаго.

Какому народу она ближе и родственнѣе — это другой вопросъ, Поляки рѣшаютъ его по-своему, Русскіе—по-своему.

Что касается до первыхъ, то мы и не трудились бы надъ разоблаченіемъ той громадной исторической лжи, которую они распространяютъ и въ Украинѣ и за границею, еслибы мнѣніе относительно этого вопроса очень уважаемаго нами ученаго не благопріятствовало до нѣкоторой степени польскимъ притязаніямъ. Мы положительно не согласны съ г. Костомаровымъ въ томъ, что въ духовномъ организмѣ Малорусскаго народа больше общихъ сочувственныхъ сторонъ съ Польскою націей, чѣмъ съ Великорусскою (*), — хотя и не утверждаемъ наоборотъ, т. е. не отрицаемъ его мысли, что Малорусскій типъ не вполне сходенъ съ Великорусскимъ, и что тотъ и другой составляютъ внутри одного племени противоположность гармоніи, — мысли, подтверждаемой имъ различіемъ историческихъ началъ, вы-

(*) Въ статьѣ Н. Ив. Костомарова (*Двѣ русскія народности, Основа, мартъ 1861 г.*) ясно показано, въ чемъ заключается сходство и различіе польской и южнорусской народностей между собою.

работанных двумя Русскими народностями. Но Малорусское начало личности и Польское сословное начало, Малорусская демократія и Польская олигархія... что тут общаго? Сермяжный, сельскій людъ Украины, съ его созерцательной натурой, съ его смѣхомъ, то полнымъ ѣдкаго горя, то наивнымъ и сердечнымъ... что тутъ общаго съ бравурнымъ характеромъ Польской націи, гордящейся своимъ сходствомъ съ французскимъ народомъ?

Поки Рось зовѣтця Рóссю,
Дніпрó въ морѣ летця,
Потя сѣрце Українське
Зъ пánськимъ не живѣтця.

Что касается до Великорусскаго народа, то точки соприкосновения между нимъ и Малорусскимъ народомъ—это общія воспоминанія изъ первой эпохи ихъ исторической жизни, и въ наше время—общіе интересы—общественные, религіозные и даже научные,—научные, во-первыхъ потому что отношеніе Русскихъ и Малорусскихъ писателей къ общечеловѣческой наукѣ почти одинаково, и Русская литература до-сихъ-поръ только выработала научный языкъ, что достижимо и для Малорусской литературы, позднѣе и не безъ успѣха заявившей такія попытки, но также Русская литература не внесла еще самостоятельнаго вклада въ общечеловѣческую науку, какъ и Малорусская,—во-вторыхъ, потому что до настоящаго времени Русскій научный языкъ остается чуждымъ народу, и стало-быть, въ этомъ отношеніи, и Русская и Малорусская литературы имѣютъ совершенное равенство.

Но если мы чужды національной исключительности, если мы желаемъ развитія всѣхъ силъ, вложенныхъ природою въ одно великое Русское племя, желаемъ, чтобы ни одна изъ нихъ не была запугана и сломана, чтобы задачи, указанныя этому племени исторіей, разрешались свободно, естественно и цѣлостно: то, не противорѣча себѣ, мы не можемъ, во имя искусственной идеи, насиловать дѣйствительность, не можемъ брать на себя отвѣтственность предъ цѣлою Руской землею, кипящей разнообразными и богатыми силами,—отвѣтственности за общія цѣли ея, которыя до тѣхъ поръ, будутъ мечтательнымъ идеаломъ, пока мы будемъ упорно отрицать своеобразное стремленіе къ ихъ достиженію. Мы называемъ себя общерусскими патріотами: зачѣмъ же, закрывъ глаза, мы однимъ почеркомъ пера хотимъ вычеркнуть изъ общерусской природы еще одну силу, такъ ярко засіявшую недавно въ поэзіи Шевченка? Зачѣмъ, со злораднымъ чувствомъ, мы представляемъ

Малорусскимъ писателямъ дѣлать свое дѣло для того только, чтобы они сами когда-нибудь горько посмѣялись надъ своимъ трудомъ, а не для того, чтобы этотъ трудъ внесъ новое самостоятельное начало въ общерусскую жизнь? (См. 8 № *Дня*, прим. редакціи къ статьѣ г. Кулиша). Кто мы—друзья, или враги своей родной земли?.. Нѣтъ, долгъ мыслящаго человѣка—встрѣтить новую силу съ уваженіемъ и привести ее на путь развитія съ благожеланіемъ. Только люди, эгоистически и самодовольно погруженные въ созерцаніе ими изобрѣтенной и любимой идеи, могутъ поступать иначе. Если правда, что Малорусскій народъ въ самомъ строѣ своей духовной природы похожъ болѣе на самого-себя, чѣмъ на кого-нибудь,—что неотразимо доказалъ Шевченко своей поэзіей и Костомаровъ—исторіей (въ статьѣ «Двѣ русскія народности»): то что мѣшаетъ ему понимать и воспроизводить идеалы, присутствующіе всему Русскому племени, по-своему, и рядомъ съ Великорусской народностью идти къ одной цѣли, только своею дорогой? Въдь отъ этого не пострадаетъ полнота общерусской жизни, а развѣ только упадетъ въ цѣнѣ одна нечеловѣчная и древняя, какъ сама Москва, теорія, находящаяся, къ сожалѣнію, еще и въ наше время, своихъ защитниковъ и почитателей.

Желая мыслить и писать по-своему, Малоруссы не выгораживаютъ себя изъ общерусской жизни. На-столько они еще послѣдовательны и правдивы, чтобы склониться предъ опредѣленіемъ исторіи, которая создала ихъ типическій образъ, и вмѣстѣ, сближая ихъ съ Великорусскимъ народомъ, доказала ихъ кровное братство съ нимъ и, слѣдовательно, единство ихъ общеплеменныхъ стремленій, пока еще невыясненныхъ въ общечеловѣческой жизни. Предъ нами—живое слово и дѣло—понятная для Великорусскаго народа и непереводаемая на Великорусскій языкъ поэзія Шевченка. Рѣчь его такъ—разительно сходна съ Русской рѣчью: казалось бы, что можетъ быть проще, какъ читать его по-русски, употребляя русское произношеніе? И для чего писалъ онъ, по-Малорусски? А между тѣмъ, каждое слово его—свое, не украденное изъ чужого языка, не вычитанное въ Русскихъ книгахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ—въ немъ, этомъ общерусскомъ словѣ съ деревенскимъ, *холоцкимъ* произношеніемъ, звучитъ такая самородная жизнь, что не внять этому звуку—значить не имѣть ушей, или умышленно закрыть ихъ. Это соединеніе двухъ противоположныхъ свойствъ — сходства и различія — и есть въ поэзіи Шевченка свидѣтельство настоящаго,—свидѣтельство той неоспоримой истины, что Малорусскій языкъ, съ

одной стороны, обнимаетъ цѣлый міръ своеобразныхъ понятій и представлений, и, какъ органъ духовной личности народа, строго индивидуаленъ,—съ другой стороны, что этотъ языкъ — общерусскаго происхожденія и состава, что первоначальныя стихіи его принадлежать всему Русскому племени, отчего онъ и доступенъ Русскому народу. Это послѣднее свойство его снимаетъ съ его конкретныхъ особенностей ту мертвящую исключительность, которая изгоняетъ изъ слова общій смыслъ и осуждаетъ его на вѣчную неподвижность. Мы очень понимаемъ, что, устраниая себя отъ участія въ общерусской жизни, Малоруссы произнесли бы смертный приговоръ своей словесности — потому что они пошли бы, въ этомъ случаѣ, противъ исторіи, — и знаемъ, что они могутъ жить этой общей жизнью самостоятельно, не прибѣгая къ бесполезному и непроизводительному для нихъ займу у другихъ ума и языка. Довольно все мы насмотрѣлись на печальныя послѣдствія того безогляднаго подражанія, которое породило въ Русскомъ обществѣ тысячи скороспѣлыхъ космополитовъ, имѣющихъ притязаніе понимать все, быть всемъ вообще и — въ сущности, не быть ничѣмъ опредѣленнымъ, — которое внесло въ Русскую натуру противорѣчащія, непереваримые элементы, — чѣмъ, впрочемъ, иногда пользовался Русскій патріотизмъ для выраженія остроумной догадки, что въ Русскомъ морѣ должны слиться не только все славянскіе ручьи, но и ручьи всемірной цивилизаціи, и въ этой цѣльной, звукоподражательной Русской натурѣ получить свое примиреніе.

Но — *оставимъ мертвыя погребсти своя мертвецы...* Мы думаемъ, что жизнь нельзя вдвинуть ни въ тѣсныя, ни въ широкія рамки, — ни замкнуть ее безвыходно въ сферу чистой индивидуальности, ни лишить ее индивидуальности: пусть лучше она сама изнутри себя раскрывается, и сама себя опредѣляетъ. Поэтому, вопросъ о томъ, какъ и что возьметъ Малорусская литература у Русской науки и образованности, долженъ рѣшиться практически и притомъ самимъ Малорусскимъ народомъ, а никакъ не трибуналомъ Русскихъ патріотовъ, которые не могутъ понять Русскихъ интересовъ на другомъ языкѣ, кромѣ своего собственнаго, и своею исключительностію нарушаютъ равновѣсіе силъ всего Русскаго племени. Эти миссіонеры просвѣщенія, дѣйствующие подъ знаменемъ народности, забыли, что народъ прежде всего требуетъ отъ своихъ воспитателей уваженія къ его собственному міровоззрѣнію, выработанному вдали отъ школы, и что это именно міровоззрѣніе есть точка опоры, отъ которой должно пойти все его

будущее развитіе. Отрѣшить народъ отъ этой почвы—значить раздвоить его натуру, значить обезпечить вѣчное существованіе двухъ смѣшанныхъ категорій—общества и народа, (какъ будто народъ—не общество, а стадо овецъ), которыя у насъ имѣютъ сословный характеръ. Первая—съ титуломъ образованной, послѣдняя... но всѣ мы знаемъ, какъ въ Россіи называютъ народъ... Къ первымъ будутъ принадлежать или жалкіе и безцвѣтные *pérsevertsni*, наклоняющіеся въ ту сторону, откуда сильнѣе вѣтеръ, или люди, окончательно изсушившіе въ себѣ живую струю народиой силы, а за чертою этого привилегированнаго круга будетъ стоять все тотъ же темный людъ, съ его непонятной думой, съ его честной, отвергнутой душой.

Пусть бы мы еще не знали этого горькаго опыта,—пусть бы не имѣли живого урока...

А впрочемъ,—къ чему намъ урокъ?... Доктрина на то и существуетъ, чтобы быть выше урока, чтобы учить, взмостившіеся на риторическія ходули, а не учиться. Бѣлое она можетъ назвать чернымъ, и наоборотъ: для чего ей общее мнѣніе, когда у нея есть свое? Известно, что Шевченко пробовалъ свой поэтический геній на литературномъ Русскомъ языкѣ: матеріалъ оказался чуждымъ его натурѣ, и его »Тризна« вышла дюжиннымъ произведеніемъ записнаго Русскаго рюмача. Казалось бы, послѣ этого, люди, толкующіе о своей любви къ родной землѣ, умолкнуть, если только прежде у нихъ оставалась хоть тѣнь сомнѣнія на—счетъ того, быть, или не быть Малорусской литературѣ, какъ самостоятельному органу общерусской мысли, развиться ли ей въ полный цвѣтъ самородной жизни, или это ложь, мечта, и она должна зачахнуть, какъ хилое растѣніе, показавшееся на свѣтъ божій въ дурную погоду? Нѣтъ, они все повторяютъ зады, и наперекоръ факту, во—очію совершившемуся, добиваются того, чтобы все своеобразное ступшевать и вдвинуть въ одну общую готовую категорію. Право, когда подумаешь, до какой наивности доходитъ иногда эта добродушная навязчивость героевъ Русскаго патріотизма,—такъ и хочется сказать о нихъ: не вѣдятъ они, чтó творять. Чтó, еслибы, въ самомъ дѣлѣ, Шевченко послушался ихъ? Куда бы дѣвались эти »Наймички« и »Катерины,« и многое, многое другое? Куда бы дѣвалось великое, всеславянское, имя Шевченка? Оно бы распустилось, какъ капля, во всероссійскомъ морѣ. За то Русская литература обогатилась бы лишними виршами и стихосплетеніями, похожими болѣе на вымочки, чѣмъ на живое слово.

Всё сказанное нами до-сихъ-поръ достаточно объясняетъ степень различія между нашимъ воззрѣніемъ на Малорусскую литературу и тѣмъ, которое высказано въ статьѣ г. Ламанскаго. Различіе полное: мы стоимъ за естественное, поступательное развитіе Малорусскаго народа изнутри его; Русскіе патріоты, усматривая въ существованіи Малорусской литературы фактъ, не подходящий подъ уровень и характеръ обыкновенныхъ явленій Русской исторіи, предлагаютъ обратный путь—сверху внизъ. Не говоря уже о томъ, на-сколько состоятеленъ ихъ взглядъ предъ судомъ самой нелицепріятной критики—жизни, — той, конечно, которая свободна отъ насилія и искусственности, — мы не можемъ раздѣлять его, потому-что строго различаемъ Великорусскую народность отъ Малорусской, различаемъ по праву, нами доказанному. Еслибы та и другая были одно, то не могло бы быть и спора о томъ, долженъ ли Малорусскій народъ подвергнуться синтетической операціи со стороны Русской литературы, какъ Великорусскій. Но такъ какъ Малорусская литература—явленіе—глубоко своеобразное, потому самому, что она идетъ отъ центра къ радісамъ, а не наоборотъ, какъ Русская,—такъ-какъ она начинается съ объективной ширины народнаго міросозерцанія, на которую должна вступить и Русская литература, въ интересъ своего дальнѣйшаго и болѣе правильнаго развитія, — и такъ-какъ, съ другой стороны, эта послѣдняя гораздо богаче Малорусской общими понятіями: то обѣ онѣ нуждаются одна въ другой и взаимно себя восполняютъ. Это даетъ Малорусскому народу право быть индивидуумомъ, личностію, и съ другой стороны, вводитъ эту личность, какъ самостоятельную силу, въ общерусскій міръ для общечеловѣческихъ стремленій, успѣхъ которыхъ зависить отъ равновѣсія и полноправности обѣихъ народностей. Такимъ образомъ, удѣльное значеніе Малорусской литературы—условіе, *sine qua non*; иначе—она никогда не проявитъ свойственной ей силы.

Трудно ли понять эту простую и ясную, какъ день Божій, истину—въ наше время, когда народъ призванъ къ самостоятельной жизни, когда въ самомъ обществѣ Русскомъ возникъ запросъ на народную мысль, и оно ждетъ своего обновленія снизу, и когда, въ отвѣтъ на этотъ запросъ, раздался сильный и твердый голосъ пробуждающагося Малорусскаго народа,—сильный, именно, чистонароднымъ тономъ, народной рѣчью?

Но уже тотъ безспорный фактъ, что Малорусская литература имѣетъ общій интересъ, что она живой и самостоятельный членъ обще-

русской мысли, при всей своей индивидуальности и подъ ея охраной, — доказываетъ, что она создается не на пескѣ, а на твердой почвѣ, и въ своемъ настоящемъ имѣетъ прочные залогов будущаго развитія; что она достаточно опредѣлилась для того, чтобы не затерѣться въ журнальномъ хламѣ, подъ вліяніемъ цивилизаторскихъ внушеній Русскихъ патріотовъ. Сомнѣваться въ этомъ могутъ только они — патріоты-скептики. Но всякому свое: имъ — теорія, намъ — жизнь; имъ — проповѣдь, намъ — дѣло; имъ ораторское искусство до самоослѣпленія и самооглушенія, намъ — зрѣніе и слухъ... Намъ — убѣжденіе, что судьба Украинскаго языка и литературы зависитъ отъ самого народа, который, помѣрѣ своего собственнаго развитія, опредѣляясь изъ внутренней необходимости своей натуры, усвоить изъ Русской образованности не то, что дадутъ ему добрые и великодушные люди, а то, на что укажетъ ему его народный геній, съ правомъ, въ свою очередь воздѣйствовать и на Русскую литературу; намъ — убѣжденіе, что сдвинуть міросозерцаніе народа, воплощенное въ его языкѣ, беспорядочнымъ вторженіемъ сверху иныхъ формъ съ инымъ содержаніемъ — Русской образованности съ ея языкомъ, долженствующей быть искомымъ началомъ, а не навязаннымъ извнѣ, — значитъ вообразить себѣ на мѣсто живой народной души грифельную доску, на которой можно писать что-угодно, — значитъ предложить Малорусскому народу рискованнѣйшій скачокъ, и такимъ образомъ умножить до безконечности массу тѣхъ умственныхъ калѣкъ, которыхъ и безъ того довольно въ Малороссіи, и которые составляютъ ея больную сторону, ея разлагающее начало.

II. Житецкій.

Кіевъ.

11 декабря 1861 года.